

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

**ТЁМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
ТЁМНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Смотри
фильм —
читай
книгу!

Александра Бракен
Темные отражения.
Темное наследие

Серия «Темные отражения», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42847639

Темное наследие: [роман] / А. Бракен: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-113568-3

Аннотация

Неизвестный вирус поразил детей и подростков. В живых остался только каждый десятый. Но кто они теперь – изгои, запертые в лагерях? Все еще люди? Или мутанты, наделенные сверхспособностями? Руби не мечтала о суперспособностях, но теперь они у нее есть. И каждый день с их помощью она спасает других и выживает сама.

Пять лет спустя после событий, описанных в основной трилогии, Мы снова встречаемся с героями «Темных отражений». Теперь главной героиней становится Сузуми, суперспособность которой заключается в умении подчинять себе огонь.

Содержание

Пролог	5
Жертвы	11
Глава первая	24
Глава вторая	44
Глава третья	56
Глава четвертая	67
Глава пятая	86
Глава шестая	98
Глава седьмая	109
Глава восьмая	133
Глава девятая	140
Глава десятая	152
Глава одиннадцатая	161
Глава двенадцатая	175
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Александра Бракен

Темное наследие

Alexandra Bracken

The Darkest Legacy

© Alexandra Bracken, 2018

© М. Карманова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Анне Джарзаб, которая первой
полюбила этих героев и темный их мир.
Спасибо тебе за все.*

Пролог

Похоже, эта кровь никогда не отмоется.

Она стекала, красная, красная, красная, по моим рукам, покрытым синяками запястьям и по сбитым костяшкам пальцев. Из крана лилась вода – горячая, даже зеркало запотело. Она должна была разбавить алую жидкость до бледно-розовой, а потом и до совершенно прозрачной. Но кровь просто... не хотела останавливаться. Под водой засохшие ржаво-коричневые пятна на моей коже превратились обратно в тошнотворно-багровые. Дрожащие дорожки сбегали по раковине вниз, а сливное отверстие старательно пыталось их поглотить.

Полумрак крохотной комнаты давил на меня со всех сторон, в глазах все расплывалось. Я не отрывала глаз от корочек засохшей крови, прилипших к раковине, словно чайники.

«Торопись, – приказала себе я. – Ты должна позвонить. Ты должна добраться до телефона».

Ноги подогнулись, и мир резко накренился. Я почти упала на раковину, ухватившись за ее гладкий край, и услышала, как под моим весом предупреждающе заскрипели кронштейны.

«Торопись, торопись, торо...»

Резкими движениями, стараясь не подавиться подступающей к горлу рвотой, я отдирала блузку от присохших к коже

кровавых бляшек.

Но вот в стенах задрожали трубы, звяканье раздавалось теперь чаще и громче, завершившись финальным громким «бряк!», от которого завибрировала и раковина.

Черт! Я хлопала руками по столешнице, пытаюсь найти, куда бы собрать оставшуюся горячую воду.

– Нет-нет-нет... ну же...

Эти счетчики – эти идиотские счетчики определяли расход воды для каждого номера, не позволяя потратить впустую ни капли. Но мне было нужно больше. Хотя бы *один раз* мне было нужно, чтобы ради меня правила оказались нарушены. Кровь ощущалась на языке и зубах, стояла в горле. Каждый раз, глотая слюну, я чувствовала, как ее металлический вкус проникает все глубже. Мне нужно очиститься от этого...

Трубы гулко взвыли в последний раз, и напор в кране иссяк. Теперь оттуда сочилась лишь тонкая струйка. Схватив крохотное гостиничное полотенце, задубевшее из-за частого отбеливания, я сунула его под кран, чтобы оно впитало оставшуюся воду.

До боли стиснув зубы и пошатываясь, я наклонилась вперед – умывальник не давал мне упасть. Протерев запотевшее зеркало, я приложила мокрое полотенце к струпю на распухшей нижней губе.

Обломанные ногти, под которые забились грязь и кровь, болели при малейшем нажиме. Я смотрела на эти тем-

но-красные полумесяцы, которые просвечивали сквозь потрескавшийся лак, не в состоянии отвести от них глаза.

И тут с мокрым шлепком в раковину упал клочок волос.

Вспыхнув слишком ярко, зажужжали дешевые флуоресцентные лампы. И в голове у меня загудело еще сильнее. Я никак не могла сообразить, что это передо мной. Маленький сморщенный кусочек плоти. Пряди, прилипшие к мокрой фаянсовой поверхности.

Волосы не были ни длинными, ни темными.

Светлые. Короткие.

Не мои.

Я открыла рот, но не смогла ни всхлипнуть, ни вскрикнуть – голос был заперт внутри. Содрогнувшись, я лихорадочно крутила краны, пытаюсь смыть улики, смыть свидетельство чьей-то пролитой крови.

– О боже, о боже...

Я бросила полотенце в пустую раковину, метнулась к унитазу и рухнула перед ним на колени. Мой желудок судорожно сжимался, но наружу ничего не вышло. Я не ела уже несколько дней.

Не поднимаясь с холодного, выложенного плиткой пола, я вцепилась дрожащими пальцами в спутанные волосы, выдирая из них колтуны.

Когда и это не сработало, вцепившись пальцами в стену, я дотянулась до раковины. Вытащив полотенце, я изо всех сил терла им волосы, а стены ванной комнаты кружились вокруг

меня.

Я зажмурилась, но перед глазами неизменно всплывало другое место, другая обжигающая волна света и жара. Взмахнув рукой, я ухватилась за пустую вешалку для полотенец, как за последнюю опору.

Когда я коснулась металлических прутьев, мое предплечье пронзил острый разряд статического электричества, от которого встал дыбом каждый волосок. Разряд прокатился по коже до самого затылка. В голове еще больше загудело и завибрировало. Свет снова мигнул, и я поняла, что должна позволить этому случиться.

Но я не стала этого делать.

Я мысленно потянула за серебряную нить в своей голове, открываясь ее силе, позволяя пробежать сквозь тысячи светлых, искрящихся линий, пронизывающих тело. Голубовато-белый ослепительный жар выжигал темные мысли в моем сознании. Я уцепилась за это знакомое чувство, пронзившее меня, словно неукротимая молния. Провода в стенах отозвались одобрительным гулом.

«Я могу это контролировать», – подумала я. Это сделала не я. Не я!

Запах тлеющей штукатурки заставил меня наконец отпустить вешалку. Я прижала руку к следам копоты на грязных обоях в цветочек, забирая энергию из проводов и охлаждая изоляцию в стенах – чтобы не начался пожар. Еле слышное бормотание телевизора смолкло и в следующую секунду за-

звучало снова.

«Я могу этим управлять». Я даже не испугалась или разозлилась. Все было под контролем.

Я ничего не сделала.

– Сузуми?

Я знала Романа всего ничего. Но все это время он всегда оставался спокойным и выдержанным, и ровный тон его голоса лишь несколько раз окрашивался гневом, беспокойством, предостережением. Но сейчас в нем звучало то, чего я не слышала раньше. В первый раз он произнес мое имя со страхом.

– Ты должна это увидеть! – крикнул он. – Прямо сейчас.

Я сбросила с себя испорченную блузку, швырнув ее в мусорную корзину, и в последний раз вытерла лицо влажным полотенцем, отправив его потом туда же.

Майка выглядела получше – без пятен грязи и дыр, но совсем не защищала от потока влажного холодного воздуха, который шел из встроенного прямо в окно кондиционера в нашем мотеле. На сломанных каблуках я заковыляла в комнату, зная, что юбка, уже разорванная сзади по шву, с каждым шагом расходится все сильнее. Времени, чтобы выкинуть эту одежду и найти что-то более подходящее для путешествия, у нас не было. Хотя сейчас я выглядела именно так, как и чувствовала себя – разбитой и разрушенной. Может, так и было правильно.

– Что это? – прохрипела я.

Роман застыл прямо перед телевизором, склонив голову так, что темные волосы упали на лоб. Брови нахмурены, сжатый кулак прижат ко рту. Он всегда застывал в этой позе, когда что-то задумывал. И эта картина подействовала на меня успокаивающе – хотя бы что-то стабильное в этом хаосе.

Парень не ответил. Сидевшая на кровати Приянка тоже промолчала, но ее глаза были прикованы к картинке на экране. Пытаясь остановить кровь, текущую из пореза над левым глазом, она прижимала к ране скомканную наволочку. Рукава ее желтого шелкового платья были изорваны, и от него пахло потом, кровью и, кажется, бензином. Татуировка в виде звезды на запястье смотрелась темным пятном на ее смуглой коже. Приянка не отрывала глаз от мерцающего экрана, пытаясь другой рукой перезарядить пистолет.

– Просто... смотри, – выдавил Роман, кивнув в сторону телевизора, включенного на новостном канале.

– Сейчас следователи прочесывают место, где произошел инцидент, но «пси», ответственный за гибель семерых человек, все еще не найден. Его жертвы скоро будут опознаны... – говорила ведущая, белая немолодая женщина – на лице застыло выражение ужаса и тревоги. Ее светло-розовый наряд смотрелся дико и неуместно.

Жертвы

Гудение проводов снова наполнило мои уши. Краем глаза я заметила, как Роман повернул ко мне голову, наблюдая за моей реакцией – взгляд его голубых глаз не изменился даже тогда, когда в такт моему ускоряющемуся пульсу запульсировал экран, то выключаясь, то включаясь снова.

На меня смотрело мое собственное лицо.

Нет... *нет*. Все не так. Слова, проплывающие внизу экрана, и эта запись, которую повторяли опять и опять – это не было правдой.

Гибель семи человек.

– Мне нужен телефон, – прошептала я.

Я это сделала.

– Ты о чем? – спросила Приянка. – Тот, который ты нашла, сдох...

На церемонии времени не было.

– Тот, который ты взяла в кабинете менеджера и о котором так *кстати* забыла нам рассказать.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я перебила ее:

– Я чувствую заряженную батарею в кармане твоей куртки.

Мертвы. Все эти люди...

Оглянувшись, Роман проследил, как Приянка швырнула свою изорванную куртку на стол.

Нет. Я могу это контролировать. Это была не я. Это была не я.

Мои пальцы сжались в кулаки. А линии электропередачи рядом с мотелем что-то шипели мне в ответ, шептали, словно соглашаясь.

Я не убивала этих людей. Мне нужно было поговорить с тем, кто мне поверит – кто готов за меня сражаться. Если мне придется силой отбирать у Приянки телефон, я это сделаю.

– *Да ладно,* – буркнула Приянка, посмотрев на Романа. – *Чушь полнейшая. Знаешь* ведь, что я могла просто...

– *Не могла,* – резко ответил тот и, вручая мне старый телефон-раскладушку, заглянул в мои глаза. – Это тот, кому ты готова доверить свою жизнь?

Я ответила уверенным кивком.

Я помнила наизусть всего три номера, и только один абонент, скорее всего, ответил бы уже после первого гудка. У меня так сильно тряслись руки, что, всматриваясь в крошечный черно-белый дисплей, я смогла ввести знакомые цифры только со второй попытки и нажала **ВЫЗОВ**.

Роман бросил на Приянку холодный взгляд, а она ответила на него пылающим. Мне пришлось повернуться к ним спиной: они сомневались, и смотреть на это было тяжело. Но сомнения мучили и меня, но я не хотела, чтобы они видели это.

Раздался лишь один гудок, затем трубку подняли, и кто-то, запыхавшись, произнес:

– Здравствуйте, это Чарльз...

И тут слова вырвались на волю.

– Это неправда – то, что говорят. Все было не так! На видео все выглядит, будто...

– Сузуми? – перебил меня Толстяк. – Где ты? Ты в порядке?

– Я знала! – Приянка рубанула ладонью воздух. – Ты позвонила одному из своих приятелей в правительстве? Тебе и правда настолько промыли мозги? Твой звонок сейчас отслеживают!

– Я *знаю*, – огрызнулась я.

Конечно, я рисковала, но Толстяк придумает, что делать. Скажет, с кем мне поговорить. Он всегда знал все – а теперь еще и всех. Я представляла, как он сидит в своем кабинете в Вашингтоне у огромного окна, с видом на недавно отстроенный заново Капитолий.

Но наверняка там было и другое. Камеры, которые смотрят с потолка и следят за каждым его движением. Следящее устройство в виде часов, которое он носил. Охранники за дверью.

«*Да, хорошо, ладно*», – соглашались мы. Сколько это продолжалось? Годы! И эти небольшие уступки мало-помалу привели нас к сегодняшнему дню. Грудь сдавило так, что я едва могла дышать, придавленная осмыслением этой правды, которая всей своей тяжестью обрушилась на меня.

– Мне нужно, чтобы ты успокоилась и внимательно меня

слушала, – быстро сказал он. – Где ты? В безопасном месте? Где-то скрываешься?

Ужасное чувство зародилось в глубине моего сознания, укоренилось там, и по спине пробежала дрожь. Слова рвались на волю, как я ни пыталась прервать этот бессвязный поток или соединить их в осмысленные фразы.

– Скажи всем, что я этого не делала, – сбивчиво бормотала я. – Он пытался... Я не успела убежать – меня схватили... не знаю, как. Это был несчастный случай... самозащита.

И тут в моей голове зазвучал голос Романа, слова, что он тихо произнес в полумраке грузовика:

– Самозащита – это не для таких, как мы.

Внезапно я поняла это со всей кристальной ясностью.

Я не смогу этого доказать. Я знала это. Год назад был принят новый закон, и он казался таким проработанным, таким разумным. Однако я сразу почувствовала в нем опасность.

«Пси»-дети могли использовать свои способности как оружие, превращая их в смертоносную силу. Баланс сил между «пси» и обычным человеком всегда, в любой ситуации оказался бы неравным. Правительство издало законы, которые защищали нас от нападков или преследования. Для нас были разработаны особые меры безопасности. Совершенно справедливо, что такие же возможности получили и другие. В конце концов, я сама видела это бесчисленное множество раз. Среди нас было немало таких, кто не мог отпустить прошлое, забыть насилие и издевательства. Наши ду-

ши все так же были наполнены гневом и болью.

День за днем мы словно балансировали на осыпающемся обрыве, пытаясь удержаться в рамках цивилизованного сотрудничества с правительством переходного периода. Остался единственный шанс – работать сообща, потому что альтернативы не было. Мы не могли допустить, чтобы снова воцарился хаос. Тогда правительству пришлось бы все взять в свои руки, и лекарство стало бы единственным способом получить право на будущее – без какой-либо возможности выбирать. И это стало знаком того, что все зашло слишком далеко и перешло ту черту, которую мы когда-то давно провели.

Сердце гулко билось, а пот стекал по затылку.

Толстяк заговорил снова, его спокойный голос звучал непреклонно:

– Тебе нужно поехать к ближайшему полицейскому участку или КПП зоны и сдать ся. Разреши тебя связать – они должны быть уверены, что ты не причинишь им вреда. Я хочу одного – чтобы ты была *в безопасности*. Ты поняла?

– Что? – выдохнула я.

Всем телом, всем своим естеством я отвергала мысль о том, чтобы сдать ся, позволить заковать себя в наручники и увести. О чем он вообще говорил? Толстяк знал, каково это – оказаться в ловушке за колючей проволокой, в полной зависимости от охранников и солдат, которые ненавидят и боятся нас. Он обещал – *все* они обещали – что к этим време-

нам возврата не будет, что бы ни случилось.

Пластик в моей ладони протестующе затрещал. Пытаясь сохранить самообладание, я уставилась на выцветшую репродукцию на стене, но в глазах все плыло.

Они меня не получают.

– Ситуация серьезная, – произнес Толстяк, тщательно выговаривая каждое слово. – *Чрезвычайно* важно, чтобы ты сделала именно то, что я говорю...

– Нет! – Мое горло саднило, словно слова оставляли на нем царапины. – Да что с тобой, черт возьми?! Я хочу поговорить с Ви – где она? Дай ей трубку, позови ее – сделай что-нибудь!

– Она на задании, – прозвучал ответ. – Сузуми, либо оставайся там, где ты находишься, и скажи мне, где это, либо найди безопасное место, где ты сможешь сдать ся.

Я прижала холодную как лед руку к глазам и судорожно втянула воздух.

– Слышишь меня? – Голос Толстяка звучал размеренно и сдержанно, как если бы он выступал на очередном заседании Совета, куда его время от времени приглашали.

Такова теперь наша жизнь? Размеренная. Предсказуемая. Мы соглашались со всем. Нам не позволено выходить из себя, не позволено угрожать другим – или допускать в своем поведении хотя бы намек на угрозу.

Впервые в жизни, за все годы, что я знала и обожала Чарльза Меривезера, я его возненавидела.

Но в следующее мгновение, несмотря на то что от злости и возмущения у меня вскипали мозги, я его услышала.

Где-то скрываешься.

Нужно поехать.

Безопасное место.

Роман коснулся моего плеча, и между его пальцами и моей кожей проскочил слабый разряд статического электричества. Я оглянулась и увидела, что он показывает на телефон. Приянка позади него даже не пыталась скрыть разочарованный вздох.

– Ладно, – сказала я. – Хорошо. Поняла.

Ну конечно. И почему я сама не подумала об этом раньше. Я была не так уж далеко от того места, на которое намекал Толстяк. Если нам удастся пробраться мимо камер и беспилотников, следившими за шоссе, мы окажемся там часов через десять. А может, и раньше.

Ты встретишь меня там? Слова вспыхнули в моем сознании, затихая и пропадая с каждой секундой. *Тебе еще не все равно?*

Я нажала на отбой.

Приянка подскочила с кровати, быстро выхватила аппарат из моей руки и, вытащив батарейку и симку, разломала корпус на мелкие кусочки.

– Использовать мой последний телефон, чтобы позвонить в чертово правительство, – бормотала она. – Тебе не просто нужна помощь, тебя нужно полностью перепрограмми-

ровать. *Депрограммировать.*

– Кто это был? – спросил Роман, пристально уставившись на меня. – Что именно «хорошо»?

Последние несколько дней меня пытались убить тысячи раз – разными способами, обрушивая на меня тысячи ударов. Но если я чему-то и научилась за свою жизнь, так это подавлять свой страх настолько, чтобы он не мешал мне выживать.

И пусть крошечный фонарик – единственное, что есть у тебя в этой крошечной тьме. Пока ты продолжаешь идти в его слабом свете, этого достаточно.

– Мне нужна машина, – спокойно ответила я.

Я подошла к окну и отодвинула занавеску, чтобы оценить возможности. Грузовик, на котором мы сюда приехали, не в счет. Двигатель доживал последние дни, да и бензина в баке почти не осталось. До места я на нем точно не доеду.

Но угонять одну из машин, что стояли у мотеля или где-то неподалеку... Я ненавидела это ощущение отчаяния, которое вернулось снова. Возможно, меня уже заклеямили как преступницу, но это вовсе не давало мне права совершать настоящее преступление.

– Тебе нужна машина, – начала Приянка, изогнув бровь, – или нам нужна машина?

Я снова повернулась к ним, прижав руку к ключице – пальцы коснулись рваных краев подсохшей раны. Может, именно поэтому я не сразу оценила все имеющиеся у меня

возможности и не отправилась туда сразу. С момента того взрыва я ни на секунду не оставалась одна – эти двое всегда находились рядом. А о том укрытии было мало кому известно, включая «пси»-детей, и не без причины.

– Вас это не касается, – сказала я. – Вас никто не видел, и ваших имен никто не знает.

– Ага, но надолго ли? – Приянка нависла надо мной.

И хотя ее громоподобный голос сейчас снизился до шепота, да и вид у девушки был такой, точно ее переехал грузовик – впрочем, именно это с ней и произошло. Но все равно прежняя энергия, похоже, никуда не делась.

– Эти люди – кем бы они ни были, – Приянка ткнула пальцем в телеэкран, – точно знали, что делают. Тебе нужна наша помощь.

Скосившись в ту же сторону, я перенаправила электрический заряд, замкнув контакты. И кровавые кадры с громким хлопком исчезли, а экран потемнел.

– Ну да, хорошо, это было впечатляюще, и ты уничтожила отличный телевизор, который мы могли бы продать, чтобы купить бензин. Но ты это ты, – вздохнула Приянка. – Но только возразить тебе нечего – вот в чем проблема.

На самом деле проблема заключалась в том, что Приянка считала, будто я должна по любому поводу вступать с ней в спор.

– Со мной все будет в порядке, – возразила я. – Вы можете спокойно убраться отсюда.

Роман нахмурился. Протянув руку, он словно хотел коснуться моего плеча, но потом опустил ее.

– Подумай еще раз. Просто с точки зрения здравого смысла. Да, ты нас почти не знаешь и, возможно, нам не доверяешь. И это нормально...

– Это *не* нормально, – вмешалась Приянка. – Мы крутые, и мы ни разу не пытались тебя убить. Чего еще тебе от нас надо?

«Правды», – сердито подумала я. Сколько можно играть в эти игры.

– ...но я знаю, что ты тоже это понимаешь. Мы с При сбежали вместе с тобой. Логично предположить, что мы будем держаться вместе, по крайней мере сначала, потому что так безопаснее.

«Мне от них не избавиться, – подумала я, борясь с тошнотой и головокружением, которые пришли вместе с осознанием этого факта. – Разве что придется их вырубить, и тогда я сбегу». Они хотели помочь мне, но только потому, что им что-то было нужно от меня. Какова бы ни была их конечная цель, им удалось накинуть на меня удавку. Каждый раз, когда я пыталась улизнуть, она только затягивалась.

– Тогда гораздо больше смысла в том, чтобы расстаться, – возразила я. – Сбить ищеек со следа и заставить их самих разделиться.

– В чем-то ты права, – кивнул Роман. – Но, оставаясь вместе, мы получаем определенные преимущества, по крайней

мере, пока не разберемся, что на самом деле произошло. Еще две пары глаз, чтобы быть начеку. Еще две пары рук, чтобы находить еду.

– Еще два рта, которые нужно накормить, – продолжила я. – Еще две возможности быть замеченными.

– Можно подумать, ты что-то понимаешь в такой жизни. – Приянка закатила глаза. – Читала об этом в этих ваших специальных отчетах? Или какой-нибудь ребенок выходил на сцену во время одного из твоих расчудесных выступлений, чтобы рассказать свою печальную историю? И ты пустила пару крокодиловых слез перед камерами, чтобы выглядеть убедительнее?

Мышцы моего тела напряглись так, что стало больно.

– Мне нафиг не нужно, чтобы кто-то мне об этом рассказывал, – смогла выдать я. – Я сама знаю, каково это...

– Я и не знала, что у правительственных роботов могут быть запрограммированы чувства, – перебила она.

Я резко втянула воздух: яростный, неудержимый гнев клокотал в центре моей груди. Этот огонь питал сам себя. Он рос во мне, пока я наконец не ощутила, что если выдохну его сейчас, то сожгу эту комнату в мотеле быстрее, чем любой Красный.

– При. -Голос Романа прозвучал тихо, но в нем слышалась угроза. – Хватит.

Уголок ее рта, насмешливо приподнятый, опустился, и Приянка отвела взгляд.

Я отвернулась, позволив гневу и боли превратиться в пар и выйти наружу.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрогнул.

Приянка тоже сделала глубокий вдох, откинула назад свои длинные волосы и с видимым усилием произнесла:

– Прости. Ты права.

Роман смотрел то на нее, то на меня.

– Нам нужно покончить с этим и двигаться дальше. Предпочтительно в следующие тридцать секунд.

Я застыла, перебирая в голове все аргументы «за» и «против». Вот только они были правы. Если за вами охотятся, лучше оставаться под защитой группы – чтобы было кому следить за обстановкой, а не пытаться действовать в одиночку. Я научилась этому на собственном печальном опыте.

Но еще я научилась тому, что иногда реальная опасность исходит от твоих попутчиков, а не от того, что снаружи.

«Я не могу отвести их туда, – подумала я. – Не могу рисковать».

Если я продолжу спорить, они поймут, что я настояжилась, и сделают все, что в их силах, чтобы не дать мне ускользнуть. У Приянки хранились свидетельства моей невиновности, и она это знала. И пока я их не заполучу, мне придется оставаться с ними – или рискнуть: мои слова против видеозаписей и свидетельских показаний.

Я хотела узнать, кто за это в ответе. Эта потребность пы-

лала во мне, как ревуший электрический заряд, ослепляя и вбирая все больше и больше энергии. Брать Романа и Приянку с собой в то безопасное место было рискованно. Тогда на кону окажется не только моя жизнь. Но здесь и сейчас что-то происходило, нечто большее, чем я могла догадаться сама. И если я хочу получить ответы, мне придется рискнуть и ничего не выпускать из-под контроля.

Много лет назад мне пришлось усвоить еще один урок: мир не так прост, как тебе видится. За жестким обращением может скрываться доброе сердце, семья, которую ты сама себе выбрала, может оказаться важнее кровного родства... и даже самые безопасные места могут таить в себе ловушку.

– Ладно, – согласилась я. – *Нам* нужна машина. Но я поведу.

К тому же там, куда мы направлялись, было кому позаботиться о любых нежелательных воспоминаниях, и дорогу туда ни один из них никогда уже не вспомнит.

Глава первая

Три дня назад

Мы мчались вперед, не останавливаясь, пролетая мимо заправок, не реагируя на дорожные знаки или сигналы светофора.

Ослепительный солнечный свет ворвался в окно с моей стороны, экран телефона побледнел, и текст, на котором я пыталась сосредоточиться, стал почти неразличимым. Гудение двигателей и свежий запах бензина подтверждали, что мы постепенно набираем скорость. Однако шорох асфальта под нашими колесами не мог заглушить sireны полицейского эскорта или выкрики размахивавших подписными листами людей, которые выстроились вдоль дороги.

Я не хотела смотреть в их сторону. Тонированные окна превращали протестующих в тени, в размытое пятно ненависти на периферии моего зрения: вооруженные пожилые мужчины, женщины, сжимающие в руках плакаты с лозунгами, из которых выплескивалась ненависть, семьи отдельными группками, выкрикивающие в рупор отвратительные и жестокие слова.

Огни полицейских машин мигали в такт их воплям.

– *Бог!*

Красный.

– *Ненавидит!*

Синий.

– *Уродов!*

– Что ж, – пожала плечами Мэл. – Ничего нового – все как всегда.

– Простите, дамы, – откликнулся агент Купер с водительского места. – Осталось еще десять минут. Если хотите, я могу включить музыку погромче.

– Все в порядке, – сказала я, опустив телефон. – Правда. Все нормально.

Пулеметный стук по клавишам, доносившийся с соседнего кресла, внезапно смолк. Мэл подняла взгляд от ноутбука, который пристроила на коленях, и нахмурилась.

– Неужели им больше не на что тратить свою жизнь? Ну правда? Может, мне послать туда специалиста по подбору персонала и посмотреть, не получится ли привлечь их на нашу сторону? Из этого получилась бы отличная история, правда? От ненависти... к смирению. Нет, не так. Потом придумаю. – Она взяла трубку, которая лежала на сиденье между нами, и проговорила в микрофон: – Создать заметку: программа исправления протестующих.

Я успела убедиться – и, похоже, агенты Купер и Мартинес тоже: лучше всего не пытаться предлагать Мэл какие-то идеи, а просто позволить ей размышлять вслух и са-

мой прийти к решению.

Дорога стала хуже, машина заревела и затряслась. Выкрики тоже стали громче, и я изо всех сил старалась не обращать на них внимания.

«*Не будь трусихой*», – убеждала я себя. Сейчас никто из них не сможет мне ничего сделать, сейчас я нахожусь за пуленепробиваемым стеклом, рядом агенты ФБР и полно полиции. Если мы будем постоянно отводить взгляд, никому никогда и в голову не придет, что мы достаточно сильны, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

С трудом сглотнув, я повернулась, чтобы снова посмотреть в окно. Ветер трепал флажки на ограждении, выставленном на разделительной полосе – это шоссе шло с севера на юг. Такого же оранжевого цвета были и барьеры, защищавшие рабочих, занятых укладкой нового асфальта.

Несколько мужчин и женщин прервали работу и навалились на бетонный разделитель, чтобы посмотреть, как проезжает наша автоколонна; несколько человек дружелюбно помахали нам. Я инстинктивно подняла руку, чтобы помахать в ответ, и слабо улыбнулась. В следующее мгновение – достаточно долгое, чтобы вспыхнуть от смущения – я вспомнила, что это бессмысленно.

Я была невидима за тонким барьером темного стекла.

Я прижала кончики пальцев к стеклу, надеясь, что рабочие смогут разглядеть их сквозь тонировку, как пять маленьких звездочек. Стекло было теплым. Но вот рабочие оста-

лись позади, как и все остальные.

«Вернем Америку на правильный путь!» – так назывался один из первых общественных проектов, разработанных Мэл для переходного правительства. Состав кабинета был сформирован Организацией Объединенных Наций и работал под ее контролем – в то самое время Мэл только пришла работать в отдел связей с общественностью Белого дома. Благодаря этой программе удалось создать новые рабочие места, одновременно пообещав, что дороги перестанут вспучиваться под колесами, что бензин, наконец, перестанут выдавать по карточкам и что смертоносные обрушения мостов, вроде катастрофы в Висконсине, больше не повторятся – потому что в укреплениях будет использоваться современная американская сталь. Доказательства успеха каждый вечер звучали в новостях: уровень безработицы стабильно снижался, а рождаемость начинала расти.

Простые понятные цифры стали осязаемым символом надежды на лучшее, подобием трофея, который всегда можно продемонстрировать, который вел за собой. Но эти цифры совершенно не могли передать *ощущение* этого переходного времени, всеохватное чувство, что полная картина жизни снова разворачивается перед нами, заполняя зияющую пустоту, которое осталось после утраты нескольких поколений детей.

И те, кто когда-то устремлялся в мегаполисы в отчаянном поиске работы, теперь мало-помалу возвращались обратно в

небольшие городки и пригороды, стоявшие заброшенными. Открывались рестораны. В назначенные дни машины заезжали на заправки. Дороги подлатали, и они снова связали всю страну, и по ним, как и раньше, мчались грузовики и фуры. Люди прогуливались по обновленным паркам. Старые фильмы на киноафишах постепенно сменялись новыми лентами.

Все возвращалось на круги своя постепенно, медленно – подобно тому, как люди, которые первыми выходят на пустой танцпол, оглядываются по сторонам, пытаясь понять: присоединится ли к ним кто-то еще, кто так же хочет повеселиться.

Еще пять лет назад, когда мы проезжали по тем же шоссе, города и поселки, через которые мы старались пробраться незамеченными, выглядели до боли пустыми. Парки, дома, магазины, школы – все вымерло, и грязь и пыль постепенно окрашивали городской пейзаж в серые тона. Покинутые и заброшенные, как выцветающие воспоминания – жалкое зрелище.

Каким-то образом правительство сделало так, что сердце страны снова забилося. В моменты тьмы и разочарования оно то замирало, то бешено колотилось, но чаще всего пульс был ровным. Чаще всего.

Только моей заслуги в этом не было – трудились другие. Мне почти не разрешали заниматься чем-либо еще, пока я не закончила обязательную школьную программу. Президент

Круз говорила, как важно, чтобы другие «пси»-дети увидели, что я сделала это – потому что ни для кого исключений нет. Но это было так мучительно: ждать, ждать и снова ждать, делать домашнюю работу, решая простейшие задачки, которые разбирал со мной Толстяк еще несколько лет назад на заднем сиденье обшарпанного минивэна, изучать историю, которая происходила будто в совсем другой стране, и заучивать наизусть новые законы для таких, как мы.

А вот Толстяку и Вайде было позволено включиться в настоящую, важную работу. Перед ними открывались двери, они пропадали на заданиях и совещаниях, и постепенно я вообще перестала понимать, что у них происходит, словно меня навсегда исключили из их жизни.

Но я нагоню – это был лишь вопрос времени. Пока что я справлялась со своей частью и доказывала свою полезность, отправлялась туда, куда меня посылало правительство, говорила то, что от меня требовалось – а значит, тоже продвигалась вперед. И кто-то явно увидел мой потенциал, потому что ко мне прикрепили Мэл, и с тех пор мы путешествовали вместе.

– Откуда мне было знать, что они снова выйдут на улицы сейчас, когда было достигнуто соглашение о выплате компенсаций? – сказал агент Мартинес. – Людям никогда не угодить – это уж точно.

После четырех лет безуспешных попыток Толстяку и Совету Пси наконец удалось провести через временный Кон-

гресс план компенсационных выплат и создания мемориалов памяти «пси»-детей. Семьи, пострадавшие от ОЮИН, могли заявить права на свои дома и претендовать на списание долгов. Большинство потеряло и деньги, и собственность, которую изъяли банки, во время финансового кризиса, который разразился после взрыва в прежнем здании Капитолия. А потом ситуация еще более усугубилась, потому что погибли миллионы детей, разорвались и закрывались предприятия и люди теряли работу.

Когда я увидела, как окончательная версия соглашения проходит голосование, как ее *принимают*, я ощутила надежду, а жизнь обрела новый смысл. Увидев окончательный результат голосования: «за», я расплакалась. Мое сердце столько лет сжималось от боли, что я уже привыкла к ней. И вдруг она наконец исчезла. И впервые за эти годы я вдохнула глубоко и свободно.

Для того чтобы справедливость восторжествовала, требуется время, а в некоторых случаях даже жертвы, но с помощью упорного труда и настойчивости это *было* достижимо. Дети, которые погибли, дети, которых заставили жить в жутких условиях лагерей – никто не будет забыт или сброшен со счетов. Даже надзирателей в итоге доставили в суд в надежде, что позже их удастся привлечь к уголовной ответственности.

Они наконец узнают сами, каково это – сидеть в заточении. Они это заслужили.

Количество дел не уменьшалось, но это же было только начало. Как трамплин, от которого можно оттолкнуться, чтобы попросить – и получить – большего. Вооружившись этой победой, Толстяк уже пытался отменить правительственное финансирование исследований корпорации «Леда». Компания, сыгравшая ведущую роль в разработке химического вещества, которое вызвало мутацию, не заслуживала даже шанса пройти через чистку, которой подверглась администрация Грея. В этом родители «пси»-детей и сами дети были единодушны.

– Настоящая проблема в том, что приходится объявлять о наших перемещениях заранее, – проговорил агент Купер. – Нас просят предупреждать городские власти о том, где и когда движение будет ограничено. Но для этих молодчиков такая информация – все равно что выстрел из сигнального пистолета. Им не важно, кто это: такие, как вы, или кто-то еще из правительства.

Двигаясь по шоссе, мы увидели просвет в непрерывной цепочке протестующих. Подальше от самых буйных, сбившись в небольшую группу, стояли несколько мужчин и женщин, все – с плакатами в руках. Они молчали, их лица были мрачны. Машина пронеслась мимо них, и мне пришлось повернуться на сиденье, чтобы прочитать надписи.

ГДЕ НАШИ ДЕТИ? По моей спине пробежал холодок, когда один из них буквально ткнул своей табличкой в мое окно: **«ОНИ ИСЧЕЗЛИ – И ООН О НИХ НЕ ПОМНИТ»** –

гласила надпись. Под гневными словами были наклеены старые детские школьные фотографии.

Я снова повернулась вперед:

– О чем они?

Правительство прилагало все усилия, чтобы идентифицировать беспризорных «пси» и найти для них новое пристанище – судя по отчетам, которые я видела, все дети были обнаружены. Я знала, что после закрытия лагерей немало «пси»-детей сбежали: уж лучше такая жизнь, чем вернуться в семью, которая от них отказалась. Но вряд ли это были те самые родители, которые когда-то уже предали своих детей своими страхами или жестокостью, что теперь стояли на шоссе с написанными от руки плакатами, требуя ответов.

– Так это те, кто помешался на теории заговоров, – буркнул агент Мартинес, покачав головой.

Конечно. И как я сама не догадалась! Несколько выпусков недавних новостей были посвящены паникерским настроениям, которые пыталась распространять группа «На страже свободы»: дескать, множество «пси»-детей были захвачены врагами Америки, которые собирались использовать их против нашей страны.

К несчастью, эти слухи, похоже, утихнут не скоро. Джозеф Мур, бизнесмен и соперник временного президента Круз на выборах, как-то раз, не думая о последствиях, повторил одно из основных требований группы: «пси»-молодежь должна обязательно служить в армии. И рейтинг его популярности

взлетел буквально за сутки. Теперь он просто зачитывал их лозунги. Не удивлюсь, если именно его пиарщики запускали эти репортажи как пробный шар, чтобы проверить, какую реакцию может вызвать его следующая речь.

– А как же снимки... – начала я.

Мэл с брезгливым видом покачала головой.

– А это их новый ход: они скачивают фотографии из интернета и нанимают людей, чтобы те будоражили общественное мнение: дескать, правительство не справляется с задачами. Сеют сомнение и страхи. Но мы, по крайней мере, знаем, что это не так.

Я нахмурилась и кивнула.

– Извини. Они просто застали меня врасплох.

Я прижалась лбом к окну, когда нашу машину встретила новая толпа протестующих.

– О боже, – пробормотал агент Купер и наклонился вперед, всматриваясь в лобовое стекло. – А теперь что?

Перед нами на пешеходном мосту двое мужчин разворачивали баннер, напоминавший старый флаг. У обоих на предплечье были повязаны синие банданы со знакомыми белыми звездами. И я невольно поежилась.

**ЖИЗНЬ, СВОБОДА И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
УРОДОВ ДО КОНЦА.**

ЕСЛИ ОНИ НЕ ЛЮДИ – ЭТО НЕ УБИЙСТВО.

– Как мило, – бросила Мэл, закатив свои темные глаза, когда мы проехали под мостом.

Я потеряла пальцем верхнюю губу, взяла в руки телефон, открыла последнюю цепочку сообщений и набрала: ТЫ ЖЕ ПРИДЕШЬ СЕГОДНЯ?

В ожидании ответа я не отводила взгляда от экрана. Краем глаза я заметила, как в зеркале дальнего вида сверкнули блестящие темные очки агента Купера – он наблюдал за мной. Когда он прочитал слоган на плакате, его бледное лицо побелело еще больше.

У агента Купера не было причин волноваться. Слез не будет. Не придется справляться с моей истерикой. Большая часть ядовитых слов, которые извергали эти люди с помощью плакатов, радиошоу, новостных программ, была ложью, а остальное – полным абсурдом. «Урод» – кого только так не обзывали. И когда ругательство звучит столь долго и столь часто, на него уже не реагируешь. А может, я и сама наконец-то стала такой толстокожей, что эту прочную броню не разрезать никаким ножом. Мое сердце больше не кровоточило так, как раньше – такими словами меня уже не сразить.

Я сглотнула ком в горле, сжимая в ладонях трубку.

«Если они не люди...»

Я снова откашлялась и выглянула в окно. Количество протестующих на какой-то момент уменьшилось, но когда мы выехали из зоны дорожных работ, народа снова прибавилось.

– У всех есть право совершить глупость, но эти люди несколько увлеклись, не так ли?

На это Мэл слабо усмехнулась, заправляя мне прядь обратно в скрученный узел.

– И все же лучше их приструнить, – бросил агент Купер и подкрепил свои слова, пихнув агента Мартинеса в плечо. – Это не прямая угроза, но они должны понимать, что балансируют на грани.

– Согласен, – кивнул агент Мартинес. – Мы должны начать фиксировать все, даже мелкие эпизоды. Собрать дело.

– На самом деле, – вмешалась Мэл, – лучше всего сейчас дать этому пламени задохнуться без кислорода. «На страже свободы» хочет именно этого: чтобы мы запретили их группу, и тогда они начнут повсюду трубить о том, как мы нарушаем право на свободу слова. *Наша* работа – рассказывать правду о «пси», а опросы показывают, что с этим у нас никаких проблем нет. Люди на *нашей* стороне, – добавила она, проведя ладонями по заколкам, которые не позволяли ее волосам выбиться из строгой прически.

Это было слабое утешение, но оно помогало. Иногда мне казалось, что я говорю одновременно со всеми сразу и ни с кем. Я никогда не замечала, чтобы слова, вылетающие из моего рта, влияли на аудиторию – положительно или отрицательно. Люди просто *поглощали* их. Усваивали они сказанное или нет – это был уже другой вопрос.

Я снова взглянула на свой телефон.

Нет ответа.

– Пока мы еще не доехали, я должна тебя кое о чем пре-

дупредить. – И Мэл развернулась в мою сторону. По ее щеке скатилась капелька пота, блестящая на темной коже. Женщина потянулась к решетке кондиционера, чтобы направить на себя поток воздуха. – Сегодня утром я получила письмо от главы администрации временного президента Круз. Там было сказано, что для твоей речи скоро пришлют какие-то новые формулировки. Не знаю точно, когда я их получу, так что, возможно, мне придется добавить их прямо в телесуфлер.

Я раздраженно вздохнула, но сдерживать свои эмоции не собиралась. Они должны понимать, насколько это все утомительно.

– Им еще не надоело ее подправлять? – Меня взбесило, что я не успею отрепетировать новый текст и придумать, как лучше всего подать дополнения. – И что это за новые формулировки?

Мэл убрала ноутбук в потрепанную кожаную сумку, из которой начали вываливаться набитые бумагами папки.

– Судя по всему, речь идет о нескольких более дипломатичных формулировках. Я знаю, что сейчас, разбуди тебя ночью, ты сможешь повторить эту речь от начала и до конца и обратно, но все же не забывай посматривать на телесуфлер.

Я повторяла разные версии одной и той же речи сотню раз и в сотне мест – о природе страха и о том, как «пси»-дети без особых проблем смогли снова стать частью общества. Но возросшая ответственность была хорошим знаком – значит,

мне доверяют больше и больше. Может, мне даже добавят еще мероприятий в расписание, и моей помощью воспользуются и осенью, перед главными выборами.

– Ладно, – вздохнула я. – Но...

Я отреагировала скорее на резкое движение, чем на само появление этой женщины. Она отделилась от группы демонстрантов, которые, выстроившись плечом к плечу слева от нас, как всегда, размахивали лозунгами и кричали в мегафоны. Длинные спутанные седые волосы, выцветшая рубашка в цветочек, кусок синей ткани, украшенной белыми звездами, повязан на белой, как кость, руке. Она могла показаться просто чьей-то бабушкой – если бы не горящая бутылка, которую она сжимала в руке.

Я знала, что мы несемся невероятно быстро и такое вообще невозможно, но время может причудливо растягиваться, если необходимо, чтобы вы получше что-то разглядели.

Секунды замедлились, тикая в такт ее шагам. Женщина сжала губы, на ее лице отчетливо проступили морщины, она занесла бутылку над головой и бросила в наш внедорожник, выкрикивая слова, которые мне не удалось расслышать.

Бутылка с зажигательной смесью ударилась об асфальт и полыхнула с громким, гулким хлопком. Она вспыхнула, пожирая остатки бензина и масла на шоссе – на мое окно обрушилась жаркая взрывная волна, и оно треснуло с высоким жалобным визгом.

Машина резко вильнула вправо, и ремень безопасности

впился мне в грудь. Я вытянула шею, всматриваясь в красно-желтую стену огня, взметнувшуюся вверх позади нас.

– Вы в порядке? – резко спросил агент Купер, надавив на педаль газа.

Нас с Мэл отбросило назад и прижало к сиденьям. Я протянула руку к ручке двери и вцепилась в нее, чтобы удержаться на месте.

Одна из полицейских машин, ехавших впереди, свернула в сторону и включила сирены. Толпа протестующих рассыпалась и трусливо растворилась в окрестных лесах и полях. А они и были трусами.

– Вот черт, – выдохнула Мэл.

Меня охватила ярость. Она скручивала мои внутренности, словно раздирая их когтями. Меня трясло от волны адреналина, у которой не было выхода. Та женщина – она могла причинить вред другим протестующим, Мэл, агентам или кому-то из полицейских. *Убить их.*

Внутри меня кипел жар, моя ярость обретала форму. Острый химический запах обжигал ноздри.

Было бы так просто выйти из машины и найти ту женщину. Схватить ее за волосы, бросить на землю и держать так, пока прибудет полицейская машина. Так просто.

Заряд аккумулятора автомобиля бурлил рядом, ожидая моих действий. *Вы думаете, этого достаточно, чтобы меня напугать? Вы думаете, меня раньше никто не пытался убить?*

Многие пытались. У кого-то даже почти получилось. Но я больше не была жертвой и не позволила бы никому снова превратить меня в жертву – и уж не пожилой женщине, которая научилась мастерить бомбы с помощью своих мерзких приятелей.

Одно-единственное холодное слово проникло в мои бурлящие мысли.

Нет.

Я заставила себя разжать пальцы, вцепившиеся в дверь. Я сгибала и разгибала их, сражаясь с волной гнева, которая никак не хотела схлынуть. Но именно этого как раз и хотят. Добиться нашей реакции, доказать, что мы – лишь монстры, которые только и ждут подходящего момента, чтобы вырваться из клетки.

Она этого не стоит. Никто из них не стоит.

Она не последняя, кто попытается причинить мне вред. Я смирилась с этим и была благодарна за защиту, которая теперь у нас была. В моей жизни больше не было места призракам – живым или мертвым. Руби говорила, что мы заслужили наши воспоминания, но мы ничего им не должны – только хранить. Думаю, она понимала это лучше, чем кто-либо другой.

Мы двигались вперед, а прошлое лучше всего оставить во тьме. Во тьме и пепле.

– Все в порядке, – сказала я, когда поняла, что мой голос прозвучит спокойно. – Все нормально.

– Это явно *не нормально*, – нервно проговорила Мэл.

– Думаю, на сей раз это была прямая угроза, – сказал своему коллеге агент Купер, не отводя взгляда от дороги.

Не обращая внимания на пульс, который продолжал колотиться в висках, я вытащила телефон, зажатый между сиденьем и моей ногой. Несмотря на резиновый чехол, экран мигнул, отреагировав на электрический разряд, вырвавшийся из моего пальца. Тогда я уронила его на колени, мысленно молясь, чтобы он включился.

Проклятье. Со мной так давно этого не случалось.

Прошла еще одна мучительная секунда, и экран наконец засветился. Я сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле, и снова открыла тот же чат. Мое сообщение все так же висело там в ожидании ответа.

– Осталось минут десять, – сообщил агент Купер. – Мы почти приехали.

Телефон завибрировал в руке – я даже слегка подпрыгнула на сиденье. Наконец-то...

Пальцы скользнули по экрану, вводя пароль, и сообщения открылись.

НЕ МОГУ ОСВОБОДИТЬСЯ. ПРОСТИ.
В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ?

– Эй, все в порядке? – спросила Мэл, положив руку мне на плечо.

Она вопросительно и сочувственно смотрела на меня. Я ощутила дурацкое желание уткнуться в нее головой и закрыть глаза, закрыться от этого мира, пока мы не доберемся туда, куда ехали.

Должно быть, она увидела это в моем лице, потому что быстро добавила:

– Может, нам перенести мероприятие? Хотя бы на несколько часов, и это точно поможет. Со мной чуть инфаркт не случился, так что могу только представлять, как ты это перенесла.

Я нацепила на лицо такую широкую улыбку, что стало больно.

– Нет, я в порядке. Правда. Не нужно ничего откладывать. Кроме того, если мы сдвинем мероприятие, рискуем попасть в пробку и пропустить встречу в японском посольстве.

Посольство вновь открывало Информационный центр японской культуры и попросило меня оказать им честь и представить документальный фильм, снятый «пси» японского происхождения по имени Кэндзи Ота. От восторга я чуть не взлетела под самый потолок: я виделась с Кэндзи лишь однажды, но уже несколько недель с нетерпением ожидала встречи с человеком, с которым у нас оказалось так много общего: и происхождение, и события, через которые пришлось пройти.

– Давай еще раз повторим сегодняшнее расписание? – попросила я. – Убедимся, что я все правильно помню?

Мэл ободоряюще сжала мое запястье.

– Ты невероятная. И как тебе удается оставаться такой сильной – не понимаю. Но я это сказала не просто так: я действительно могу попросить перенести мероприятие.

Я покачала головой. Сердце сбивалось с ритма от одной мысли об этом. Стоит директору по связям с общественностью президента Круз заподозрить, что я не справляюсь со стрессом от этой работы, меня спишут со счетов.

– В этом нет необходимости, обещаю.

– Ладно, – с явным облегчением проговорила Мэл.

Изменения в расписании обернулись бы для нее настоящим кошмаром. Женщина порылась в сумке, вытащила папку с сегодняшней датой и начала проверять программу, сопоставляя время и события.

Я кинула телефон обратно в сумку, пытаюсь придумать, как превозмочь тяжесть, которая нарастала в моей груди. Она упиралась в мои ребра, угрожая сломать их, разорвать мою грудную клетку и открыть всеобщему взору все, что творилось внутри меня.

Может, мне следовало ответить? Или не стоит беспокоить его еще больше?

– В девять тридцать утра декан представит тебя...

В следующий раз? Я боролась с искушением снова вытащить телефон и перечитать сообщение Толстяка, просто чтобы убедиться, что я это не придумала. Я не могла перестать мысленно повторять эти слова снова и снова, не могла пере-

стать думать про тот вопросительный знак – символ, для которого раньше между нами никогда не было места.

Глава вторая

Однажды я провела несколько месяцев в полном молчании. Фактически это длилось больше года.

Это началось случайно – вообще-то ничего случайного в этом не было. Но мне по-прежнему сложно объяснить, что же произошло. Почему я обрекла себя на молчание? Что стало тому причиной? Словно в ту ночь, когда мы сбежали, колючая проволока, окружавшая реабилитационный лагерь, поранила меня так глубоко, что все слова вытекли вместе с кровью. Я чувствовала под кожей лишь пустоту. И холод. Я была настолько слаба, что позволила потрясению проникнуть внутрь и одержать надо мной верх.

Но на самом деле есть то, что важнее слов: звуки выстрелов, раздающихся в ночи. Пятна крови на спинах тонкой лагерьной униформы. Дети, лежащие лицом вниз, и снег, который падает с темного неба, медленно погребая их под собой. Чувство, будто собственная надежда душит тебя в ту секунду, когда *нечто* вырывается за ограждение и оставляет тебя умирать.

Потом я просто ощущала невероятную... усталость. Рас-терянность. Мне задавали вопросы, и я кивала. Или качала головой. На это уходило так много сил. Я боялась, что из ха-оса, который творился в моей голове, возникнут неправиль-ные слова. Боялась сказать то, что не понравится другим –

мальчикам, которые спасли меня.

Когда мы ехали в фургоне, я все время думала: если я скажу им, что проголодалась, или замерзла, или у меня что-то болит, они решат, что я – проблема, как решили однажды мои родители. Эти парни бросят меня так же внезапно, как решили взять с собой в ту ночь, когда мы сбежали.

Но они не сделали этого. И довольно скоро я поняла, что они и не станут этого делать. Но к тому моменту мне было намного удобнее брать в руки тот жалкий блокнот, которым пользовались мы все, и тщательно подбирать слова. Я могла написать точно то, что хотела, без ошибок. Я могла решать, когда мне говорить. Я могла хоть что-то контролировать в своей жизни.

Проблема была в том, что я *продолжала* выбирать молчание. Снова и снова я позволяла себе погружаться в его безопасные глубины. То, что заставляло меня страдать, было погребено, и мне никогда не пришлось бы осмысливать то, что случилось, или говорить об этом. Если я не буду упоминать о прошлом, оно никогда не вернется, чтобы причинить мне боль. Память о снеге, крови и криках не восстанет и не накроет меня своей тьмой, под своей ледящей тяжестью. Мне не придется признаваться, что я напугана, голодна или устала, и беспокоить других. Мое молчание стало подобием щита.

Которым я могла защититься.

За которым я могла прятаться.

С тех пор прошли годы. Я стала известна всему миру благодаря тому, что я говорила, а вовсе не как молчаливая маленькая девочка с бритой головой и в огромных, не по размеру перчатках. Я появлялась на телеэкранах и выступала перед толпами людей. А она превратилась в призрак, затерянный в далеких воспоминаниях, к которым я больше не хотела возвращаться.

Хотя слова по-прежнему не слетали с моего языка так же непринужденно, как у других людей. Было слишком легко снова спрятаться в своем уютном мирке – тихом и безопасном. Особенно в такие дни, как этот, когда всплеск адреналина заставлял меня нервничать в ожидании очередного мероприятия.

Я не могла ни на чем сосредоточиться, как бы сильно ни старалась. Зрители на первых рядах смешались в одно расплывающееся разноцветное пятно. Попытка уследить за тем, что говорил седоволосый декан Пенсильванского университета, потерпела крах. Я так же мучилась во время экскурсии по кампусу, которую он для нас провел. Теперь даже его темная кожа и синий льняной костюм превратились в смазанное пятно где-то на периферии моего зрения.

Я впечатала каблук в пол, приподняла пятку другой ноги и тоже с силой опустила ее на землю, пытаясь сбросить тянущее нервное напряжение после поездки в машине. Я зажмурилась, подставив лицо теплему солнечному свету, но тут же снова открыла глаза, как только злобное лицо той пожилой

женщины выплыло из темноты.

Лето было уже на исходе, в жарком воздухе дрожала влага, и небо словно подернулось шелковистой вуалью. Мои густые волосы протестовали, выталкивая заколки-невидимки, которые удерживали их тщательно уложенными. Капли пота катились по спине, и блузка прилипала к телу.

Мэл так сильно вцепилась в мою руку, что ее ногти впились мне в кожу. Я мгновенно встрепенулась, выпрямилась и снова впустила в себя этот мир.

Силы немногочисленных аплодисментов не хватило даже на то, чтобы отразиться эхом от колонн высокого здания, которое находилось у нас за спиной – декан назвал его Старым главным корпусом. Не слишком хороший знак – похоже, все это мало кого интересовало. Но у меня еще оставался шанс завоевать их. Если ты *урод* -это означает, что люди будут не прочь поглазеть на тебя.

Часовая башня Старого главного корпуса отбрасывала длинную тень. Расправив плечи, я шагнула сквозь нее, облизнула губы – проверить, чтобы на них не осталось следов помады, и приветственно взмахнула рукой.

Декан отошел от трибуны – ее установили на временном возвышении прямо на ступеньках, которые спускались к расставленным на траве стульям. Приветственным жестом он пригласил меня занять его место, расплывшись в одобряющей улыбке, на которую я с трудом ответила такой же.

Меня не нужно подбадривать. Это моя работа.

Жалкие аплодисменты снова смолкли, из колонок зазвучала музыка – похоже, это был университетский гимн. Ожидая загрузки текста в телесуфлер, я окинула присутствующих быстрым взглядом, стараясь не коситься на строй камер, принадлежавших новостным каналам и расположившихся справа от лестницы.

– Добрый день, – сказала я, вцепившись в край трибуны. Голос, искаженный динамиками, звучал тоненько, как у маленькой девочки – как я ненавидела это! – Для меня честь находиться здесь, с вами, сегодня. Благодарю вас, декан Харрисон, за возможность обратиться к вашим чудесным первокурсникам и за приглашение принять участие в торжествах по случаю повторного открытия этого прославленного университета.

Я могла поклясться, что никто нас не приглашал. Все организовывала Мэл, изучая данные о составе населения и возможности получить наибольшее освещение в СМИ. Казалось, она всегда знала, кому и как именно нужно пригрозить, чтобы «нет» словно по волшебству превратилось в восторженное «да».

Вступление и завершение речи были предметом особого внимания. Каждый раз и то, и другое корректировалось в зависимости от того, где предстояло выступать. Эти небольшие изменения вносили хотя бы какое-то разнообразие в рутину. Оказавшись в привычной обстановке, я позволила пальцам разжаться. Я переводила взгляд с передних рядов

на задние, стараясь понять, как настроена толпа. Первый ряд занимали репортеры, которые строчили в своих блокнотах или быстро щелкали камерами телефонов. А дальше стулья были заполнены представителями самых разных поколений.

Родственники новых студентов оккупировали самые последние ряды. Чуть ближе сидели необычного вида первокурсники – лет на десять постарше. Это были те, кто хотел бы продолжить обучение, прерванное, когда большинство университетов обанкротились в разгар паники, вызванной появлением «пси».

Еще ближе, прямо за спинами журналистов, сидели мои ровесники или совсем подростки. На их рубашках виднелись небольшого размера значки – и это смотрелось так органично. Множество зеленых, поменьше синих и еще меньше желтых, как мой. И, вперемежку с остальными, белые.

Я опустила глаза, сделав паузу, чтобы вдохнуть. *Пустые.* Слово проскользнуло в мое сознание, непрошеное и уродливое. Это были те, кто выбрал – или родители выбрали за них – пройти через процедуру «лечения». Те, кому вживили импланты, чтобы сдерживать и нейтрализовать доступ мозговой активности к способностям, полученным от ОЮИН.

– Мы – настоящие счастливики, – продолжила я. – За последние десять лет наша страна прошла через многое. Мы выжили в этих испытаниях, и они объединили нас так, как предвидеть не мог никто. Конечно, всем нам приходилось идти на жертвы. Мы боролись. И мы научились многому – и в

том числе мы научились снова доверять друг другу и верить в будущее этой страны.

С левого края переднего ряда донесся резкий, громкий кашель. И делая глоток воды из запотевшего стакана, который оставили для меня на трибуне, я не удержалась и посмотрела в ту сторону.

За спиной полицейского, который маячил в том углу, наблюдая за присутствующими, сидели двое. Смуглая девушка в восхитительном легком платье из желтого шелка вытянула перед собой длинные ноги в сандалиях на ремешках и скрестила лодыжки. Голова наклонена в сторону, собранные в хвост черные вьющиеся волосы рассыпались по плечу. Очки «кошачий глаз» в металлической оправе сползли к кончику переносицы, и мне удалось разглядеть черты ее лица: густые брови и высокие скошенные скулы. Наверняка у нее были прекрасные широкие глаза, но проверить свою догадку я не смогла, потому что девушка сладко спала, слегка приоткрыв рот.

«О, так я впустую трачу ваше время?» – разозлилась я, наблюдая, как мерно поднимается и опускается ее грудь.

Рядом с ней сидел парень, похоже, мой ровесник тоже. Он был совсем другим, и мой взгляд непроизвольно задержался на нем на секунду дольше. Его каштановые волосы непокорно кудрявились и отливали рыжиной под яркими лучами солнца. Он опустил голову, но я сумела рассмотреть, что черты его лица были такими четкими, такими вырази-

тельными, словно он сам сначала продумал и нарисовал собственный образ. И я легко поверила в такую возможность. Загар, позолотивший светлую кожу, подчеркивал светлые глаза парня, от чего они выглядели ярче. Он встретился со мной взглядом, непроницаемое выражение лица ничуть не изменилось, лишь чуть опустились уголки его рта.

Я выпрямилась и отвела глаза.

– К таким, как я, было предъявлено немало требований, но мы должны установить барьеры для тех, кто не признает никаких ограничений. Общество может функционировать только благодаря границам и правилам, и мы должны продолжать работать над тем, чтобы вернуться к ним снова – и не испытывать их на прочность, рискуя нарушить мир.

Если разговор о ее будущем нагонял на эту девочку такую скуку, она могла бы просто встать и уйти. Еще один взгляд в их сторону. У девочки был зеленый знак, а у парня – желтый.

Я полностью сконцентрировалась на речи – оставалось произнести ее заключительную часть, которая мне совсем не нравилась. Я призывала «пси»-детей с терпением относиться к тем, кто нас боялся. И одновременно упрашивала тех, кто нас боялся, признать, что каждый день с момента, когда впервые обнаружили ОЮИН, наша жизнь была наполнена ужасом и насилием. Мне было непонятно, как можно сравнивать эти вещи. Однако речь составляли профессионалы. Им наверняка виднее.

Я запнулась лишь чуть-чуть, когда на экране появились

незнакомые слова.

– И поскольку мы начинаем все заново, становится все важнее признать значение прошлого. Нам нужно ценить американские традиции.

Это и была новая формулировка, о которой говорила Мэл тогда в машине. Текст на телесуфлере замедлился, чтобы мне было удобнее читать незнакомые фразы.

– А это означает в том числе ценить нашу основную Конституцию, базовые основы веры и требования к гражданам нашей демократической страны.

На экране появлялись все новые фразы, которые застревали у меня в горле.

СЕГОДНЯ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОГОЛОСОВАЛО «ЗА» И ОДОБРИЛО УКАЗ, КОТОРЫЙ ВРЕМЕННО УДАЛЯЕТ «ПСИ», В ТОМ ЧИСЛЕ ДОСТИГШИХ ДЕЕСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА, ИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКОВ, ЧТОБЫ ПРЕДОСТАВИТЬ ИМ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ И ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ИСЦЕЛИТЬСЯ ОТ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОНИ СМОГУТ ОТДАВАТЬ СВОЙ ГОЛОС ЗА РЕШЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО СМОГУТ ИЗМЕНИТЬ ЖИЗНЬ ВСЕЙ СТРАНЫ. ЧТОБЫ ОНИ СМОГЛИ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ ВСЮ МЕРУ И ВЛИЯНИЕ СВЯЩЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

ЭТО ВРЕМЕННАЯ МЕРА, И МЫ ПЕРЕСМОТРИМ ЕЕ

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В НОЯБРЕ ЭТОГО ГОДА, ПОСЛЕ ТОГО, КАК НОВЫЙ КОНГРЕСС БУДЕТ ПРИВЕДЕН К ПРИСЯГЕ.

Мои руки затряслись, хотя я вцепилась в отполированные края деревянной трибуны. Повисла напряженная тишина, которую нарушали только мои нервные вдохи и выдохи, усиленные микрофоном. Зрители заерзали на своих местах. Женщина на втором ряду наконец-то перестала обмахиваться программкой и с любопытством наклонилась вперед.

Что-то явно было неправильно. Я хотела оглянуться на Мэл – показать, что загрузился неправильный текст. Тому, кто решил, что это веселая шутка, надо было бы хорошенько врезать – кем бы он ни был.

Текст вернулся к началу, потом еще раз. И еще.

Нет... это было... Для «пси» были уже установлены более строгие требования. Например, нам нужно было ждать достижения двадцати одного года, чтобы получить водительские права. Я произнесла целую речь о том, для чего необходима эта задержка, и как это будет восхитительно – одновременно получить право голосовать и право водить машину. Я зарегистрировалась в избирательном списке еще несколько лет назад – тогда же, когда это сделали Толстяк и Вайда. Я не хотела отставать.

Это должно быть... Наверняка тот, кто предложил новые поправки, просто забыл об этом, как забыли и другие «пси»,

состоящие в Совете при временном правительстве президента Круз. Возможно, уже идет работа над тем, чтобы отменить это решение.

Но Мэл говорила, что формулировка поступит прямо от главы администрации президента Круз. Тогда зачем вываливать это на меня без объяснений и предупреждений?

«Потому что они знают, что ты все равно это скажешь, – прошептал тихий голосок в моем сознании, – как раньше говорила все, что тебе диктовали».

Или... потому что сам Совет Пси уже отказался делать такое заявление.

На этот раз я все же оглянулась. Люди начали тихо перешептываться, явно гадая, что происходит. Мэл не встала из своего кресла, не сняла солнечных очков. Она сделала движение руками, словно подталкивая меня, призывая снова повернуться к зрителям. И продолжать.

Тот самый парень на переднем ряду нахмурился, слегка наклонив голову. Он так напрягся всем телом, словно ему невероятным образом удалось прочесть слова на телесуфлере, или он услышал, как сердце колотится у меня в груди.

«Просто скажи это», – подумала я, глядя на то, как слова снова прокручиваются к началу и замирают. Я пообещала им мой голос, для чего бы он ни понадобился. Именно на это я и согласилась, вот для чего я пришла сюда.

Просто скажи это.

Это только на время. Нам обещали. Одни выборы. Мы мо-

жем переждать *одни* выборы. Справедливость требует времени и жертв, но ведь соглашение о компенсациях приняли, и легче всего было добиться этого, сотрудничая друг с другом. Мы старались добиться лучшего *будущего* для «пси» *навсегда*, а не на один год.

У меня горело горло. Трибуна тряслась под моими руками, и я не понимала, почему. Почему сейчас – почему именно это заявление, а не какое-либо другое?

Просто скажи это.

Девочка, призрак из прошлого, вернулась и сжала мне горло руками в перчатках.

Не могу. Не в этот раз. Не это.

– Спасибо вам за ваше время, – выдавила я. – Для меня было честью выступить перед вами сегодня, и я желаю вам всего самого лучшего в этой новой главе вашей жизни.

Экран телесуфлера погас. В следующую секунду на нем зажглась единственная строчка.

КТО-ТО ЗДЕСЬ ХОЧЕТ ТЕБЯ УБИТЬ.

Глава третья

Я расхохоталась.

Это был ошеломительный финал для оборванной мысли, мгновенно заглушивший гудение колонок и электроники вокруг. Напряженный смех, казалось, приумножился, отражаясь от колонн Старого главного корпуса – словно один выстрел породил целую автоматную очередь.

Толпу охватила растерянность: недоуменные лица, тревожные перешептывания. А я застыла, придавленная волной гнева вперемежку с возмущением. И чем дольше я там стояла, бесполезная и бессловесная, тем глубже погружалась в ощущение собственного ничтожества.

Кто-то из тех, что ненавидел нас, загрузил в телесуфлер поддельный текст вместо новых материалов, которые передала Мэл.

Скажи что-нибудь. Сделай что-нибудь.

Я должна была догадаться об этом сразу – в ту же секунду, когда сообщение о временном ограничении избирательного права появилось на экране. Должна была завершить выступление какими-то нейтральными словами. Вместо этого я впала в ступор, будто никогда не выступала перед публикой. И теперь ведущие вечерних новостей вывалият на зрителей самые худшие сценарии происходящего. Представляю, как они будут разбирать эту неловкую паузу по косточкам,

снова и снова прокручивать эти кадры, задавая вопрос: «А с этой девочкой все нормально?»

Я заставила себя «отмереть» и, наклонившись вперед к зрителям, выдавила:

– Еще раз спасибо вам. Приятного дня.

Но эти слова не успокоили толпу, которая загудела и заволновалась еще сильнее. Даже спящая девушка внезапно пробудилась, села прямо и посмотрела на своего темноволосого соседа.

Декан снова подошел к микрофону, обеспокоенно взглянув в мою сторону:

– Что ж... спасибо всем. Пожалуйста, наслаждайтесь закусками и солнечным днем.

Последние тридцать секунд тянулись будто тридцать минут. Не важно, была эта угроза ложной или реальной: теперь пришли в действие механизмы экстренного протокола. Резкими быстрыми шагами, от которых подпрыгивал его галстук, ко мне направился агент Купер. Слова на телесуфлере отразились в серебристых стеклах его солнечных очков, но кто-то успел отключить питание, и экран потемнел.

Мужчина обхватил меня за плечи. Сторонним наблюдателям, вероятно, казалось, что он просто уводит меня со сцены. Вряд ли они могли заметить, что агент Купер крепко прижимал меня к себе, а другая рука почти касалась кобуры с пистолетом. Рукав его темного костюма изрядно нагрелся на солнце и теперь обжигал мою кожу.

– Все в порядке. Все в порядке, – повторял он снова и снова, а полицейские тем временем повернулись к представителям университета, оттесняя их к ступеням. Зрители переместились к столам с едой и напитками, студенты соединились со своими родственниками, набирали в тарелки закуски или толпились неподалеку.

– Я знаю, – убежденно сказала я.

Мой каблук попал в трещину в старой плитке и застрял в ней. Агент Купер не дал мне времени вытащить его и так дернул меня вперед, что каблук сломался. Хромая, я двинулась с ним дальше, к Мэл.

– Жди здесь, – приказал он. – Мартинес тебя заберет. Я за машиной.

Экстренный протокол предписывал: обеспечить укрытие на месте, пока не удастся найти безопасный транспорт. Я кивнула, и агент Купер отправился к стоянке, которая находилась под совместной охраной недавно восстановленной полиции штата Пенсильвания и Защитников – новой федеральной полицейской службы, созданной ООН.

Мартинес обнаружился неподалеку. Он допрашивал женщину из аппаратной будки, которая лишь пожимала плечами.

Ворвавшись в мои мысли, за спиной прозвучал голос Мэл.
– ...неприемлемо! Я просила вас обеспечить безопасность, и вы не справились!

Я повернулась так резко, что каблуки заскрежетали по ка-

менной кладке. Мэл отвернулась от побледневшего сотрудника университета, который беспрестанно кивал, молча слушая, как она его отчитывает. На ее напряженном лице отчетливо читался еле сдерживаемый гнев.

Благодаря своей работе Мэл научилась мгновенно переключаться в зависимости от того, с кем она говорила и что делала. У нее было множество ролей. Для меня Мэл была наставником, защитником, она направляла меня и опекала. А еще она не выносила некомпетентность, особенно в вопросах безопасности. Такой прокол в дополнение к инциденту, случившемуся во время поездки, явно вывел ее из себя.

– Все нормально, – заверила ее я. – Просто кто-то нас провоцирует...

– Это не нормально, – проговорила Мэл и, положив руку мне на плечо, отвела к ближайшей колонне, где мы оказались вне поля зрения жадных новостных камер. – Предполагалось, что ты объявишь об изменениях в избирательном праве. Вот почему я привлекла на это мероприятие столько прессы!

Я пораженно отшатнулась, пытаюсь найти подходящие слова.

– Я подтвердила, что ты готова к более значимым заявлениям, но если это не так... – начала женщина.

– Нет! – Каким-то образом мне удалось стряхнуть с себя потрясение, парализовавшее мой ум. – Нет, я готова. Просто все это, оно не кажется... оно не было...

Справедливым.

Я не могла произнести это слово – сейчас, когда Мэл продемонстрировала такое явное разочарование. Жара становилась невыносимой, но ее слова прозвучали так холодно и отстраненно.

– Текст прислали из администрации временного президента. Они выбрали тебя для этого заявления.

– Почему?

Мэл посмотрела на меня таким взглядом, будто я заговорила на иностранном языке.

– Почему выбрали меня? – Я не отводила от нее глаз.

Кто-то коснулся моего локтя, и Мэл не успела ответить – если она вообще собиралась это сделать.

– Мэм? Сюда.

Униформа Защитников была, что говорится, с иголки – такая же новая, как и само формирование. Серая в обтяжку куртка плюс черный штурмовой пояс с нелетальным оружием и другими средствами защиты, включая фирменную дубинку, на которой серебряными буквами был выгравирован девиз: «ЗА ЗАЩИТУ ДЛЯ ВСЕХ». С левой стороны от плеча до бедра шла красная кожаная перевязь, на которой в районе сердца крепился серебристый значок.

Меня включили в фокус-группу, которая помогала в выборе униформы. Помню, как я сидела рядом с главой администрации Круз, и дизайнер, который разрабатывал образец – третью из пяти окончательных версий – вошел в конфе-

ренц-зал. В следующее мгновение я обнаружила, что стою в дверях, готовая выскочить из зала. Я до сих пор не понимала, почему от вида именно этого конкретного варианта у меня так защемило сердце. Это была великолепная форма. Просто фантастическая. С ней все было в порядке, даже если ее цвета...

Я глубоко вдохнула, посмотрела на Защитницу и кивнула. Мне было так неловко, когда руководитель администрации тогда спросил меня, что со мной произошло, и я смутилась еще больше, когда дизайнер объяснил концепцию. Контраст алого с серым должен был символизировать надежду на более надежное, мирное будущее перед лицом мрачного прошлого.

С этой униформой все было в порядке и со мной тоже, и я доказала это, проголосовав за нее.

Из-под шлема Защитницы виднелась туго заплетенная коса, светлая кожа обгорела на солнце. Судя по строгой выправке, женщина раньше служила в какой-то государственной военной структуре, а затем прошла психологические проверки и тактическую переподготовку для службы в рядах миротворцев ООН. Она повела нас вперед с уверенностью человека, который привык отдавать приказы или, по крайней мере, следовать им.

– Подождите. – Я попыталась высвободить руку, но Защитница сильнее сжала пальцы, стаскивая меня вниз по ступенькам парадного входа в Старый главный корпус. По стуку

каблуков Мэл я догадывалась, что она идет следом.

– Агент Купер сказал...

– Не сейчас, – резко отреагировала Мэл, останавливаясь рядом и показывая на группу Защитников, которые выстроились по периметру импровизированной стены, сдерживая напор любопытствующих зрителей, пытавшихся фотографировать, и немногочисленных репортеров.

– Что думает временный президент по поводу приближающихся выборов?! Она видела данные последних опросов? – выкрикнул один из них, обращаясь к Мэл.

– Мэл, как вы можете прокомментировать слухи о том, что Генеральная Ассамблея ООН вернется в Манхэттен? – вторил ему другой журналист.

– Мэл! Мэл!

Догадываясь, что об этом подумают окружающие, я придвинулась к Защитнице, игнорируя напряжение, нараставшее в моей голове. Колонки по-прежнему гудели, негромко потрескивали электрические заряды.

А вот слова Мэл прозвучали очень отчетливо.

– Улыбайся, – прошипела она мне, и сама растянула губы в искусственной улыбке.

Я не могла.

Среди взволнованной толпы, отключившись от непрекращавшихся выкриков, я внезапно поймала взгляд того самого парня. Он словно замер возле своего стула, и я тоже застыла. Потом парень нахмурился, отвел взгляд и уставился на вы-

сокого Защитника, который пробирался к нам сквозь толпу.

Защитница, державшая меня за руку, снова потянула за собой, дальше вниз, но не прочь от толпы, а прямо в нее.

– Почему мы идем сюда? – спросила я. Нам лучше было идти в прямо противоположную сторону – так было бы быстрее, и агент Купер тоже пошел туда же.

– Протокол безопасности изменился, – буркнула женщина. Ее коса еще больше потемнела от влажного воздуха.

Если ты когда-то уже встречался лицом к лицу со смертью и едва выжил, в тебе происходят необъяснимые изменения, пробуждается какое-то особое чувство. С того мгновения и навсегда ты становишься сверхпроницательным, пусть и неосознанно. Это не значит, что, насторожившись, ты сразу ощутишь укол тревоги. Или твое сердце вдруг быстрее заколотится в груди. Иногда не остается времени даже на такую реакцию.

Назовите это стремление к самосохранению инстинктом, интуицией или как-то еще – не важно, главное, что оно поселилось в тебе на всю оставшуюся жизнь. И когда оно пробуждается, твоя кожа начинает зудеть, словно от удара статическим электричеством.

Я должна была догадаться. Я помню, что это чувство укоренилось во мне, когда я случайно остановила машину родителей посреди шоссе I-495. В тот момент, когда грузовик врезался в нее с пассажирской стороны. Это чувство спасало меня слишком много раз, чтобы рискнуть и проигнори-

ровать его сигналы. Что всегда говорит Вайда? Иногда нужно довериться своему нутру и послать нафиг вежливость и прочее дерьмо.

Сделать это под прицелом камер будет посложнее. Никто не должен увидеть меня напуганной или слабой – обойдетесь. Не в этот раз.

Но... это сейчас я ощущала нечто иное – не просто беспокойство. В воздухе возникла какая-то новая вибрация, она зудела в барабанных перепонках, впивалась в них с низким воем.

Лица людей расплывались в моих глазах, и вдруг я заметила, что девушка в ярко-желтом платье, схватив своего соседа за руку, показывает ему на что-то у меня за спиной.

Я оглянулась, пытаюсь понять, куда они смотрят. Завывание стало громче, усилившись гулом колонок.

– Нам нужно пойти другой дорогой, – тихо сказала Мэл Защитнице. – Выйти из толпы.

Да. Да, нужно. Студенты и родители напирали друг на друга, пытаюсь протиснуться к единственному выходу из ограждения. Дневная жара усиливалась, а вместе с ней становились громче запахи пота и скошенной травы, отчего во рту оставался горьковатый привкус.

Я снова повернулась – посмотреть, как лучше вернуться к Старому новому корпусу. Куда-то исчез агент Мартинес... Но тут толпа расступилась, пропуская к нам новое лицо. Это был тоже Защитник. Слишком тесная форма облепила его

широкие плечи, бледное лицо блестело от пота. Он опустил голову, но его цепкий взгляд охватил меня с ног до головы. Я даже не успела окликнуть Мэл, как мужчина уже подошел совсем близко ко мне.

Так близко, что я увидела рисунок на его сверкающем значке.

Так близко, что я заметила: на его дубинке нет серебряной надписи.

Так близко, что я увидела, как его рука скользнула в карман куртки. И различила очертания смертоносного оружия, когда он приготовился нажать на спуск.

Я не думала. Я не кричала. В моем сознании вспыхнула картинка – лицо той пожилой женщины, что бросилась на нас сегодня – и я вскинула руки. Вытянутые вперед пальцы почти касались конца его дубинки. Мужчина стиснул зубы, в его глазах горела неприкрытая ненависть. Держа пистолет в кармане, он прицелился прямо мне в сердце.

Я выстрелила первой.

Я собрала заряд с гудящих вокруг проводов, превратив его в единый поток электричества, который сорвался с моей кожи. Я целилась ему в грудь, рассчитывая лишь сбить его с ног, но...

– Нет! – крикнул кто-то как раз в тот момент, когда Защитник – кем бы он ни был – вскинул свою дубинку, чтобы принять заряд. Она была из дерева, она должна была быть только из дерева, но поток света превратился в трескучее си-

яние, которое вспыхнуло вокруг дубинки, окружив мужчину потоками неистовой энергии.

– Что ты сделала?! – закричала Мэл. – Боже, что ты...

Но даже ее голос затерялся в реве колонок, взорвавшихся волной огня и грома.

Глава четвертая

Сначала не было ничего – лишь тишина. И дым.

Он проникал глубоко в мои легкие, выдавливая из них последний воздух. Жар, заключенный внутри меня, пузырями вырывался на поверхность, и в конце концов я ощутила, что моя кожа вот-вот отделится от мышц, а мышцы – от костей.

Затем пришла боль.

А мозг взорвала паника. Добела раскаленный воздух и ударная волна сбили меня с ног, как только Защитник исчез в вихре опаленного пластика и металла. Его униформа и волосы загорелись, и огонь, повторив очертания мужчины как вторая кожа, полностью поглотил его. А я отлетела назад... Болела голова, и было так темно, так темно...

Мне никак не удавалось глубоко вдохнуть, хотя я отчаянно этого хотела. Я не могла пошевелиться. Нервы стонали, кричали, ныли, но давящая сила прижимала меня к острому неровному камню и почти расплющила мою грудную клетку.

Дым, дым был повсюду. Он потоками плыл надо мной, касаясь открытых ран на руках и груди. Правую руку прижало металлическим листом. Я попыталась ее вытащить, но запястье зацепилось за что-то острое. Я стиснула зубы, подавив крик боли.

Думай... Думай...

Мэл. Где Мэл?

Я изо всех сил попыталась повернуться, чувствуя, как металлический край впивается в кожу.

Не могу оставаться здесь, на земле... Не могу...

Кто-то здесь хочет тебя убить.

Кто-то здесь хочет тебя убить.

Бомба.

– Хватит, – выдавила я. – *Прекрати.*

Вопреки всем инстинктам, всем голосам в моей голове, которые кричали о том, что нужно выбраться, двигаться, дышать, я заставила себя прекратить борьбу с тяжестью придавившего меня металла. Я заставила себя ощутить обжигающий воздух, каждый наполненный горечью вдох, который мне удавалось сделать. Успокоиться.

Не сработало. Защитники, Мэл, тот парень, телесуфлер, зеленая-зеленая трава – все это перемешалось в моем сознании. Я снова попыталась вцепиться обломанными ногтями в металлический лист, который не давал мне сдвинуться с места. Я дышала, я была жива – каждый раз, когда тьма пыталась поглотить меня, мне удавалось ускользнуть. Я сделала это снова. Со мной еще не покончено. Я была жива.

Я должна помочь им.

Сдавленно застонав, я выгнула спину и уперлась коленями в придавивший меня кусок металла, пытаюсь его спихнуть.

Я почувствовала под щекой жесткую щетку ковра – похоже, меня отшвырнуло на временную сцену, которую соору-

дили для моей речи.

Я пихнула металлический лист снова, и на этот раз он подпрыгнул, загремев на ступенях. Но только я успела вытащить обе руки и прижать их к груди, как его тяжесть придавила меня снова.

Но вдруг лист задрожал, и края его приподнялись – какой-то человек пытался мне помочь. И когда он повернулся спиной к солнцу, я смогла различить черты его лица.

Это был тот темноволосый парень.

Мне нужна была пара секунд, и я успела отползти как можно дальше. С явным облегчением мой спаситель разжал пальцы, позволив листу рухнуть обратно на ступени, и в воздух поднялось еще одно облако пыли.

По моему телу разливалась кровь, шумело в ушах, а в онемевшие ноги словно вонзились лезвия ножей. В глазах так защипало, что я прикрыла их рукой. Пепел кружился в воздухе, словно яростная метель, а я будто перенеслась куда-то в другое место, где было так одиноко и так холодно.

Я хотела закричать, но крик застрял в моем горле.

Парень схватил меня за предплечья и заставил подняться, хотя чувствительность в ногах еще не восстановилась. Он держал меня крепко, хотя колени мои подгибались, и я шаталась назад и вперед. Он слегка встряхнул меня – может, хотел, чтобы я посмотрела на него?

Но я смотрела дальше.

Мэл.

Так ломает куклы раскапризничавшийся ребенок – разрывает на части и расшвыривает их по земле. Одна из ее туфель так и стояла на ступеньке прямо передо мной, будто Мэл просто сняла ее в тот самый момент, когда ее настиг жар взрывной волны. Защитники – женщина, которая привела нас сюда, и мужчина с пистолетом – были мертвы, серая ткань их униформы еще дымилась.

Взрыв сорвал верхний слой почвы, оставив воронку в развороченной земле и плитке. В горящей земле, пытаясь выбраться, шевелились еще тела – это были оказавшиеся поблизости сотрудники университета и журналисты. Их кожа и одежда обгорели так сильно, что опознать их будет очень тяжело.

Я вздрогнула, когда в плотной завесе дыма вдруг показался человек, налетев на искореженное ограждение. Следом за ним, хромя, шла женщина, ее сарафан был порван и перепачкан кровью, стекавшей по ее ногам. Ее лицо ничего не выражало, будто взрыв выжег все ее мысли. Выражение никак не изменилось, даже когда женщина посмотрела на свою оторванную руку, которую сжимала в другой.

Люди в панике разбежались в разные стороны, топтали разбитые камеры, пытаясь не наступить на мертвые тела, на раненных и на тех, кто пытался помочь пострадавшим. На тех, кто стоял на коленях на дымящейся земле и беззвучно кричал посреди этого хаоса. Подростки. Родители. Бабушки и дедушки. Полицейские. Защитники. Повсюду кровь. Дым

– так много дыма.

Это была всего лишь искра.

Это был всего лишь один электрический разряд. Он не мог вот так распространиться или обрушиться на слушателей. Я очень хорошо контролировала свою способность. Я повернулась снова – на этот раз туда, где находилась аппаратная. Туда, куда ушел агент Мартинес.

Что-то снова сжало мне руки. Мои глаза были мокрыми, из них струились слезы. Парень встал передо мной, чтобы закрыть страшную картину разрушений. Его губы шевелились, но я смогла разобрать только несколько слов – невнятные звуки прорывались лишь обрывочно, будто парень кричал под водой.

– ...идем... обратно... слышишь?...

Он понял, что я его не слышу, одновременно со мной. Мне стало страшно. Я попыталась вырвать руку из его ладони. Мое сердце забилося ужасно быстро, а в глазах потемнело. Но парень только сжал мои пальцы еще сильнее и, взяв меня за подбородок, заставил снова взглянуть прямо на него.

Волны паники и страха, захлестнувшие мое сознание, на мгновение улеглись. Он продолжал говорить. Повторял одно и то же слово. И я уже не понимала: услышала ли я его наконец или только представляю себе его голос, низкий и хриплый:

– Ты в порядке? Ты в порядке?

Похоже, я оглохла не полностью, но большинство звуков

заглушал жалобный вой, доносившийся отовсюду и ниоткуда.

– Ты в порядке?! – крикнул парень прямо мне в ухо. – В порядке?

Я кивнула, потому что я была жива. Я кивнула, потому что это, похоже, было единственное, на что мое тело оказалось способно в данный момент. Я была не в порядке... а вокруг творился хаос...

Я даже не могла расплакаться – из глаз из-за пыли и дыма и так непрерывно текли слезы. Моему сознанию не удавалось погрузиться в скорбь и печаль.

Парень снова взял меня за руку и потащил к расколотым ступенькам. К телам.

Я попыталась сопротивляться – вернуться под защиту Старого главного корпуса. В голове моей все путалось. Взрыв. Защитники. И его я не знала. А я с детства усвоила, что с незнакомцами никуда ходить нельзя, так почему я делаю это сейчас? Он тоже мог быть замешан. Что если это он... это он активировал взрывное устройство.

«Ты сделала это, – прошептал голос. – Ты потеряла контроль».

Я замотала головой. Нет. Я не могла. Я знала свою силу.

Я повторила это еще раз и еще. И мне стало легче. Я знаю свою силу.

Это была не я. И если поддамся панике, позволю себе признать, что я на это способна, что я причина этих ужасных

событий, ничего хорошего не выйдет. Я стиснула челюсти, пытаюсь унять дрожь в руках.

Новый план таков: добраться до машины. Найти Купера. Уехать отсюда, забрав всех, кому требуется помощь.

Сконцентрируйся.

Почувствовав, что я пытаюсь высвободить руку, парень выпустил меня, и наши взгляды встретились.

– Небезопасно! – крикнул он.

– Дерьмово! – крикнула я в ответ и ткнула пальцем туда, где мы оставили внедорожник. – Машина!

Выражение его перепачканного пылью лица изменилось, и напряженный взгляд на мгновение сменился удивленным. Но в следующее мгновение на его лице снова отразилась стальная решимость. Он кивнул и жестом предложил мне показывать путь.

Но когда я повернулась, словно ниоткуда возникла та девушка, которая во время моего выступления сидела рядом с ним. Ее желтое платье выглядело ярким пятном в клубах дыма. На правом предплечье виднелся ожог, словно она закрылась рукой от обжигающей взрывной волны. Девушка крикнула что-то этому парню, который теперь смотрел вместе с ней в другую сторону.

К месту катастрофы торопились полицейские и перепуганные случайные свидетели. Некоторые из выживших падали на колени, обхватив голову руками, другие вслепую бежали вперед, прямо на винтовки, которыми была вооружена

полиция. Там же были и Защитники – кто-то вытащил свои дубинки, но большинство бросилось оказывать помощь раненым.

Первый патрон вонзился в дымящийся пластик динамиков за секунду до того, как звук выстрела разорвал тишину.

Девушка в желтом бросилась вправо. Парень сунул руку в задний карман джинсов, но тут же обнаружил, что вещь, которую он рассчитывал там найти, исчезла. Тогда он молча повернулся к стрелявшим боком и жестом приказал мне сделать то же самое.

На мгновение я подумала, что он пытается указать мне, в какую сторону смотреть, но я ошиблась – и я знала этот трюк. Вайда когда-то давно научила меня ему, еще до того, как приняло присягу новое правительство.

Повернись боком, чтобы нападающим было сложнее в тебя попасть.

Еще один выстрел вспыхнул где-то в дыму. На этот раз пуля ударила в землю у моих ног, расколов камень. Его обломок оцарапал мне голень, едва не сбив с ног.

Парень осмотрелся. На ступеньках валялся небольшой фрагмент панели от расколотой взрывом временной сцены. Наклонившись, он рванул лист вверх, прикрывая нас обоих – как раз вовремя, чтобы следующая пуля отскочила уже от него.

Это все дым. Они не знают – не видят, в кого стреляют.
– Стойте! – крикнула я. Слова словно раздирали горло. –

Не стреляйте! Не стреляйте!

Выстрелы желтыми огоньками загорались в серой мгле. Остатки колонки разлетелись черными осколками, которые впились в кожу, нанося глубокие порезы.

– Это я! – крикнула я. – Это Сузуми!

Парень повалил нас обоих на землю, застонав, когда металлический лист поглотил энергию пуль, прогибаясь и истончаясь под их ударами.

– Они не знают, – проговорила я, упорно пытаясь отпихнуть его. – Они думают, что столкнулись с врагом. И кто-то взял меня в заложники. Этот парень просто не знает всего. Нам нужно найти Купера или Мартинеса.

Парень прокричал так, чтобы я точно услышала каждое слово.

– Они знают, что это ты!

Замотав головой, я прикусила язык, и рот мгновенно заполнился кровью. Вжимая меня в себя, парень тяжело дышал, и я отвечала на каждый судорожный вздох таким же. Я чувствовала, как пылает его кожа. Капли пота, его или моего, сбегали по моей груди.

«Он ошибается, – подумала я. – Он же ничего не знает...»

– Ты с нами?! – крикнул парень. – Сможешь бежать?

Что говорит протокол? Как бы поступила Мэл?

– Нам нужно подождать! – возразила я. – Они должны увидеть, что мы – не угроза!

– К черту ждть! – рявкнул он прямо мне в ухо. – Я не

хочу умереть здесь! А ты?

Нет.

Я не знаю, откуда взялся этот голос – тот же самый, что повторял слова с телесуфлера в моем сознании: *Кто-то здесь хочет убить тебя.* Через несколько мучительных секунд эти слова медленно изменились, перемещаясь и меняя цвет, как змея, меняющая кожу. *Они хотят убить тебя.*

Кому-то это почти удалось. Но я не собиралась лежать и ждать, когда этот кто-то достигнет своей цели, или меня по ошибке пристрелят.

Хочешь умереть здесь?

Я взглянула на парня.

Он понимающе стиснул мою руку. И мы помчались к машине.

Позади нас раздалась новая очередь, словно океанская волна, которая пыталась нас догнать. Девушка в желтом снова возникла в дыму, увидела нас, и ее глаза расширились. Она махнула рукой, указывая нам дорогу и выкрикивая какие-то слова, которые не достигали моих ушей. Но парень ее понял. Он посмотрел на меня, а затем кивнул в ее сторону.

Я кивнула в ответ и снова побежала, стараясь не отставать, протискиваясь мимо охваченных ужасом свидетелей и сотрудников университета, застывших на верхних ступеньках. Выстрелы прекратились, и парень отпустил лист металла, которым прикрывал нас сзади.

Что происходит?

Кто-то попытался схватить меня за руку, но безуспешно, потому что моя кожа стала скользкой от пыли и копоти.

Что происходит!

– ...атите! Прекратите сейчас.....уми!

Полицейские и пожарные машины выехали на газон перед Старым главным корпусом. Сверкая мигалками, один за другим автомобили останавливались у края прорванного заграждения.

Они здесь, чтобы помочь. Они возьмут ситуацию под контроль. Наконец-то какие-то протоколы сработают как надо. Территорию обыщут, убедятся, что здесь безопасно. Помогут раненым. Они найдут того, кто в ответе за... это.

Это точно была бомба. Она разорвала колонки возле сцены и уничтожила аппаратную. Теперь я вспомнила – это был не одиночный взрыв. Я же видела три отдельные вспышки, пока делала тот последний вдох.

«Сдетонировало три заряда, – прошептал тот же мрачный голос, отдаваясь болью в ушах, – или это был один мощный электрический разряд, пронесшийся по общему, соединявшему их проводнику?»

Мои внутренности сжались, я ощутила, как в горле поднимается желчь. Теперь, когда представители власти уже здесь, они обязательно найдут виновного – это только вопрос времени – и узнают, связан ли он с предупреждением, которое появилось на телесуфлере.

Мы следовали за толпой зрителей и сотрудников, пока не

встретились с линией Защитников, которые останавливали бегущих, разбивали на группы и направляли в безопасное место. Заметив их, я тяжело выдохнула, почувствовав слабое облегчение.

Однако вместо того чтобы шагнуть навстречу людям в серой форме, туда, где о нас позаботятся, мы с парнем резко свернули вправо и двинулись вдоль массивного здания Старого главного корпуса в сторону улицы.

Меня то и дело толкали, в меня врезались, практически сбивая с ног, и я начала отставать. Первой это заметила девушка. Махнув темноволосому парню рукой: дескать, не останавливайся, она подбежала ко мне, и я увидела, что ее лицо выпачкано сажей.

– Ты что, издеваешься?! – возмущенно прокричала она. – Может, тебя еще понести!

Здесь Защитники – они нам помогут. Я оглянулась на них – кое-кто уже нас заметил, что-то кричал и показывал в нашу сторону.

Здесь Защитники – они нам помогут.

Серебристые сияющие слова. Обещание, клятва, которую все они давали.

За защиту для всех.

А как же та Защитница, которая завела меня и Мэл к колонкам. Или Защитник с пистолетом в кармане, хотя им было запрещено носить летальное оружие.

На размышления времени не было. Я просто шла вслед за

длинноногой девушкой, которая быстро обогнала меня и зашагала рядом со своим приятелем. И я, прихрамывая и спотыкаясь, старалась за ними угнаться.

Во внутреннем дворике корпуса мирно журчал фонтан. Не так давно его сделали частью городского мемориала, посвященного Потерянному Поколению. С этой стороны здание выглядело обшарпанным и заброшенным. Однако парковка была забита автомобилями. У некоторых работали двигатели, кое-где были открыты дверцы, вот только людей в них не наблюдалось. Лишь в одной машине сидел водитель.

Я должна была насторожиться, но вместо этого понеслась напрямик к внедорожнику, не сразу заметив, что его фары разбиты, а колесные диски местами оплавилась.

Парень попытался меня перехватить и удержать, но я увернулась и помчалась так быстро, что почти врезалась в машину с пассажирской стороны. Сердце ухало в грудной клетке: за рулем сидел агент Купер – я разглядела его форму сквозь тонированные стекла.

Я заколотила по стеклу.

– Купер! – крикнула я. Почему он сидит так неподвижно? Он, который всегда и на все мгновенно реагировал? – Агент Купер!

Пронзительный гул в ушах становился все громче в такт учатившемуся сердцебиению. Я подбежала к внедорожнику с водительской стороны.

Сквозь потрескавшееся окно и дыру в лобовом стекле я

сначала различила искаженные очертания девушки и парня, а потом мой взгляд сместился ниже. Агент Купер наклонился вперед, повиснув на ремне безопасности, кровь еще капала с его лба и скапливалась лужицей у него на коленях, рядом валялись темные очки. Одна из линз была разбита.

Порезавшись о края разбитого окна, я просунула руку в кабину, нащупала его плечо, галстук, затем ощутила теплую кровь на своих пальцах. Левая часть головы была раздроблена: белели кости черепа, на которых розовела какая-то мягкая субстанция.

Последняя надежда, то, благодаря чему я еще как-то держалась, рухнула, и я осталась на растерзание тьме.

Она затопила мое сознание, мое зрение. Я понимала, что кричу, потому что ощущала боль в горле. В центре моих ладоней собрался жар, и двигатель машины снова ожил. Оставшаяся фара мигнула и взорвалась, засыпав осколками асфальт. Монотонный, невыразительный автомобильный гул наконец-то прорвался сквозь высокочастотные завывания, которыми были забиты мои уши.

Что, черт возьми, здесь происходит?

Я почувствовала движение у себя за спиной и обернулась, выставив в сторону локоть, рассчитывая попасть парню в грудь. Пусть даже не думает до меня дотрагиваться, особенно сейчас, когда я приняла в себя заряд автомобильного аккумулятора, который дал мне силу и контроль над ситуацией, помогая собрать себя воедино.

Но чья-то рука в резиновой перчатке опустилась мне на голову и отшвырнула в сторону, подальше от машины. Я зацепилась каблуком за выбоину и пошатнулась. Тогда рука схватила меня за волосы, скрутила их и дернула так, что от боли запылала кожа.

Я снова закричала, отчаянно пытаюсь ударить того, кто был за спиной. Заряды собрались как раз над костяшками и между пальцами, потрескивая в воздухе. Вот только заряд угодил в толстую пластину бронежилета, надетого поверх черного комбинезона. Все, от шлема до подошв ботинок, было покрыто толстым слоем резины, вроде той, из которой делают шины.

Встретившись с сопротивлением брони, электрическая искра полыхнула белым и унеслась по воздуху в поисках другого проводника.

Проклятье. Я не почувствовала на этом человеке ничего электрического – даже обычного передатчика в ухе не было.
Проклятье!

Мое тело уже знало, что делать, за секунду до того, как разум отправил ему команду. Я расслабилась, мертвым грузом повиснув на руке нападавшего. Асфальт царапал ноги, оставляя ссадины на голених, но это застало мужчину врасплох, и он выпустил мои волосы.

Я выбросила вперед ногу, чтобы сделать подсечку, и краем глаза заметила, как из-за машины, держа в руках небольшой пистолет, выбегает тот самый парень. И я уже успела

вскочить и врезать нападавшему кулаком прямо в горло, а потом еще раз и еще.

– Ложись!

Я бросилась влево, и прогремел его первый выстрел. Нападающий отшатнулся, прижав руку к своему резиновому бронежилету там, куда попала пуля. С совершенно невозмутимым выражением лица парень тщательно прицелился на пару сантиметров выше и выстрелил снова.

Что за дьявольщина? Как можно было попасть так точно? Между низко посаженным шлемом и поднятым воротником, который закрывал шею до самого подбородка. Не уверена, что с этим бы справилась даже Вайда.

Мужчина рухнул на асфальт, истекая кровью.

Парень шагнул мне навстречу, я же попятилась, чувствуя, что сердце готово выскочить через горло. Это был не просто еще один «пси» – не просто еще один ребенок. То, как он был обучен...

– Да кто ты вообще такой?! – рявкнула я.

«Без него здесь точно не обошлось, – прошептал тот голос. – Без него и той девчонки».

Парень опустил оружие, и непроницаемая маска на мгновение исчезла. Однако он тут же снова вскинул пистолет.

Девушка в желтом сражалась с человеком в черной униформе. Он сбил ее с ног, но, падая, она нанесла ему удар прямо в коленную чашечку. Она была высокой, сильной, атлетичной, и у нее был шанс, пока нападавший не наставил

на нее пистолет.

Я бросилась было к ним, но этот человек был не один – мы были не одни. Еще трое в такой же черной форме показались из-за полицейских машин, целясь в нас на ходу.

– Уходим! – крикнул парень, выстрелив еще раз в того, что держал на прицеле его подругу.

Солдат коленями прижал девушку к земле, не давая подняться. Она вскрикнула от боли, но, изловчившись, сбила с него шлем и дернула за ремешок, пытаясь задушить врага. Брыкаясь, девушка старалась перевернуться, и ее другу никак не удавалось прицелиться.

– При! – крикнул он. – Замри!

И тогда военный сунул руку в карман и достал оттуда какой-то желтый прибор.

В последний раз я видела его очень давно – это была старая модель. Много-много лет назад, в сотнях миль отсюда, на дороге, которой, может, и на карте-то нет. Воспоминания захлестнули меня, затопили мой разум, наполнили рот электрическим привкусом, и я почти ощутила, как искры пробегают по моим зубам.

Но когда белый шум зазвучал, я его не услышала. Я даже ничего не почувствовала.

Однако он обрушился на тех двоих, и я хорошо понимала, что они чувствуют, каково это, когда твою голову словно разрывает на части, а нервные окончания точно оголены. Парень пытался удержаться на ногах, у него из носа закапа-

ла кровь. Девушка пугающе замерла. Мужчина рассмеялся и ударил ее еще раз – никакой реакции.

Другие солдаты уже подбежали к парню – на него обрушился град ударов, и мой защитник рухнул на тротуар. Он с усилием приподнял голову и встретился со мной взглядом.

Я смогла прочитать по его губам:

– Беги!

Я могла так и сделать, запрыгнуть в одну из брошенных машин и удрать, исчезнуть. И в ожидании команды тело мое напряглось, а руки задрожали.

Но когда той незнакомке на заправке в Западной Вирджинии нужна была помощь, я не смогла ее бросить. И теперь я не могла бросить этих незнакомцев, которые попытались помочь мне. Даже если ничего не выйдет, я должна рискнуть. Сегодня я уже однажды обманула смерть, может, удача улыбнется мне еще раз? Я больше не была слабой, маленькой или перепуганной – я больше не была той маленькой девочкой.

Этот парень доверился мне. А я привела их прямо в ловушку. Так что именно я должна вытащить нас отсюда.

Эти слова вспыхнули в моем сознании, когда я бросилась на того, кто держал в руках генератор, и вцепилась обломанными ногтями в его лицо. Я повалила его на землю и боролась с ним, пока не дотянулась до прибора. Я провела по нему пальцами, генератор с треском заискрился, пластиковый корпус расплавился и развалился на части.

Парень и девушка перестали корчиться, но больше мне

сделать ничего не удалось, потому что кто-то схватил меня сзади и поднял так высоко, что мои ноги болтались теперь в воздухе. Я дернула головой, пытаюсь попасть солдату в лицо, но угодила в шлем, и перед глазами вспыхнули черные звезды.

– Тупая сучка! – заорал мужчина, швырнув меня на землю. Хватая воздух, я рухнула на бетон. – Я тебя убью нахрен, и мне пофигу...

– Полегче! – рявкнул другой голос. – Давай, сейчас не до этого...

Мне сунули в лицо мокрую, до отвращения сладко пахнущую тряпку. Я повернулась к лежащему без сознания парню, но ткань прижали еще сильнее. Хлороформ.

Позвольте мне помочь... позвольте мне помочь... позвольте мне... Я боролась с навалившейся на меня тяжестью, с отвращением ощущая, как на глаза наворачиваются жгучие слезы, но тьма разрасталась, постепенно поглощая и солдата, и его слова, и боль, а я погружалась в черное небытие.

Глава пятая

Я то приходила в себя, то снова теряла сознание, выныривала в реальность и снова погружалась в сон, неслась сквозь свет и тьму.

В голове легким бризом кружились обрывки мыслей. В тело, не давая мне пошевелиться, впивались кожаные ремни. Я чувствовала их змеиную хватку на плечах, животе, ноги были тоже связаны – я ничего не понимала. Часть меня находилась там, в моем сознании, а другая пыталась сфокусироваться на трещинах в металлическом потолке, на редких проблесках света. Тени на стенах напоминали о давно забытых кошмарах, которые кружили вокруг своей жертвы.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, перед ними разворачивалась новая картина. Костры и привалы. Темные дороги. Электрические изгороди. Ближе и ближе, лица выступали из темноты. Они наблюдали за мной, размытые и нереальные. Они все были там – все, кого я знала. Мои друзья. Надзиратель из Каледонии. Гейб. Мэл. Та пожилая женщина. Мою голову окружала корона искр, трескучих разрядов энергии.

Они наблюдали, но не подходили ближе. Не помогали. Они говорили нервно и сбивчиво:

– ...всюду, ищут ее...

– Оставайтесь здесь, ждите приказов...

– Грузовик...

Веки горели. Они опускались под собственным весом, слезы и запекшаяся корка, склеившая ресницы, делали их тяжелыми как свинец. На этот раз передо мной была лишь тьма.

Вообще ничего не было.

Сначала я подумала, что это кровь.

Отвратительная с металлическим привкусом вонь стояла в носу, пропитала волосы, кожу. Я заставила себя открыть глаза, сморщившись от яркого света, который лился сверху. Когда черные точки перед глазами исчезли, я смогла различить пятна на потолке и на стенах.

Это была всего лишь ржавчина. Но ее пятна расползлись повсюду, красноватые капли мерно падали в небольшую лужицу рядом с моей головой. От этого к горлу снова поднялась желчь, и я почувствовала, что сейчас захлебнусь собственной рвотой.

Дыши. Я втянула воздух через нос, а затем медленно выдохнула. Именно этому доктор Пойнер научила меня на нашем самом первом сеансе, три года назад, когда прошлое внезапно показало зубы и начало преследовать меня повсюду.

«Дыши, сопротивляйся панике, – учила она. – Найди пять предметов, которые ты можешь видеть, четыре предмета, до которых можешь дотронуться, три звука, которые ты можешь услышать, два запаха, которые ты можешь почувство-

вать, что-то одно, что можешь попробовать на вкус».

«Три стены, потолок и моя рубашка, – считала я. – Края металла, сырые пятна конденсата, хлопья ржавчины – старые и свежие, шершавый деревянный пол подо мной. Биение моего сердца, капли воды, мое дыхание. Бензин и что-то гнилое. Мой пот».

Сосредоточившись на своих ощущениях, я осознала кое-что еще: я снова могла слышать. Хаотичный вой ослабел настолько, что не заглушал и другие звуки. Но он никуда не делся и зудел, будто муха, застрявшая в ухе.

Я вдохнула еще раз и попыталась сесть. Однако жесткие ремни только заскрипели, но не поддались. Я лежала, распластавшись на спине, на мокром полу. Небольшое помещение, где я находилась, напоминало сарай. А может, контейнер?

Вытянув шею и извернувшись, я различила в тени две вытянутые неподвижные фигуры. Осознание ударило меня, словно выстрел. Где бы я ни оказалась, меня привезли сюда не одну.

Кто-то часто дышал, пытаясь вырваться из оков. В этих движениях чувствовалась паника, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы она не захватила и меня.

– Эй? – прохрипела я.

– Постарайся говорить тише. – Это был все тот же парень. Он говорил так тихо, что я едва различала слова. По-прежнему пытаясь вырваться, он добавил: – Снаружи стоят охран-

ники.

Новости были плохие, но почему-то мне стало легче дышать.

– Просто супер, – прошептала я в ответ, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро. Патентованный метод Лиамы Стюарта: как рассеять чужие страхи, одновременно подавляя собственные. – А я уж начала беспокоиться, что сбежать будет слишком легко.

– Слишком легко? – повторил парень, сразу прекратив дергаться. Я уже собралась объяснить, что это была попытка сострить, пусть и несвоевременная, но тут же услышала прилетевшее в ответ: – Тогда... тебя точно порадует, если я скажу, что огнеметов у них все-таки нет.

Шутливый тон давался ему с трудом, если это вообще не был его первый эксперимент. Я снова изогнулась, чтобы посмотреть на него – по крайней мере, на покрытые грязью подошвы его кроссовок. Его дыхание немного успокоилось, и даже в полумраке я видела, что он тоже старается перевернуться, чтобы взглянуть на меня.

– Значит, огнеметов не было? – повторила я. – Ну и что это тогда за злодеи?

– Похоже, что полные идиоты, – прошептал он в ответ, – из тех, что не дружат с головой, если решили тебя поймать, и настолько тупые, если не соображали, что ты можешь сотворить в ответ. Думаю, они тебя на всю жизнь запомнят.

Именно в это я сейчас хотела верить больше всего: в то,

что я смогу вытащить нас отсюда и заставить тех, кто на нас напал, пожалеть об этом. Уверенность – вот что мне было нужно.

– И все-таки жаль. Это я про огнеметы. Я-то, знаешь ли, умею ими пользоваться.

– Почему-то меня это не удивляет – если ты на это рассчитывала, – тихо проговорил парень. – Будто я не видел, как ты врезала мужику, который был в два раза больше тебя, кулаком, из которого вылетали молнии.

Ну да, я же именно так и сделала, верно? Перед глазами замелькали картинки воспоминаний: звуки взрыва, солдаты удерживают девушку, избивают этого парня, швыряют его на землю. Броня солдат блокирует мою силу. А парень кричит мне, чтобы я убегала.

Стал бы он предлагать мне спастись, будь они замешаны в том, что произошло? И кому бы понадобилось запирать их обоих здесь, со мной? После взрыва он не запаниковал, оставаясь спокойным и собранным. А когда на нас напали, будто переключился в режим машины для убийства.

Однако я снова услышала его напряженное дыхание, ощутила, как его снова охватывает паника, будто от этого ускорился и мой собственный пульс.

– Прости, – сказала я. – В этом нет ничего смешного.

– Не извиняйся. Юмор помогает снять стресс.

Голос его прозвучал громче, и я услышала в нем легкий акцент. Может, польский? Русский?

Я слабо усмехнулась.

– Один мой друг сказал бы так же.

Господи. Что там сейчас с Толстяком? Они там наверняка уже с ума сходят. Как только я отсюда выберусь, сразу ему позвоню.

Выбраться, найти телефон, позвонить. Звучит наивно, но я вцепилась в эту мысль. По крайней мере, у меня появилась реальная цель, а с тем, как ее достичь, постепенно разберемся. Думая о том, какое будет счастье снова услышать голос Толстяка, я снова попыталась вывернуться из своих пут.

– Мне уже говорили, что чувство юмора у меня – непрошибаемое как скала, – снова зашептал парень. – Поразмыслив, я решил, что мне намекнули на его полное отсутствие, а не на то, что у меня уникальный вкус.

– А по-моему, ты отлично справляешься, – сообщила я ему, растягивая ремни. – Мы можем поработать над этим после того, как выберемся отсюда. Ты не заметил, где мы вообще находимся?

Парень долго молчал, прежде чем ответить. Я услышала, как он с трудом сглотнул, затем заскрипела кожа ремней, когда он попытался пошевелиться. Когда парень заговорил, его голос казался бесцветным. Далеким.

– Складской контейнер. Какая-то сортировочная станция.

Волны страха отступили, невыносимая тяжесть, сдавливавшая мне грудь, внезапно исчезла, прихватив с собой шупальца парализующей тревоги. На освободившемся месте

расцвело кое-что новое.

Ярость.

За слова угрозы на телесуфлере. За Мэл. За раненых. За Купера. За то, что посмели разрушить тот хрупкий мир, который за пять лет постоянной борьбы нам все же удалось сложить из обломков. За этих ребят, которые попались в эту темную паутину вместе со мной.

Это были звенья одной цепи: взрыв и похищение. Вот Защитница, которая ведет меня вниз по ступеням Старого главного корпуса туда, где ждет ее сообщник в фальшивом обмундировании и с пистолетом. Вот мы оказываемся на парковке, где нас поджидают незнакомцы в защитном штурмовом обмундировании, против которого бессильны мои способности.

Их целью была я.

– Я вытащу нас отсюда, – сказала я, больше не пытаюсь говорить тихо. – Ты ничего не видишь рядом, чем можно было бы разрезать ремни?

– Охранники, – негромко напомнил парень.

Но из-за стен доносились лишь завывания ветра – ни звука шагов, ни разговоров. Все это время моя работа требовала такого бережного отношения к словам, такого тщательного выбора формулировок, что я даже испытала облегчение от возможности сказать наконец именно то, что хотела я.

– Пусть слушают, мне все равно. – Я повысила голос, и он эхом отразился от металлических стен. – Я хочу, чтобы они

знали, что как только мы выберемся отсюда, я *точно* надеру им задницу.

Тишина. Парень поерзал, вытягивая шею и пытаюсь посмотреть в ту сторону, где очевидно находился выход.

– Эта... твоя подруга... она в порядке? – спросила я. – Похоже, ей сильно досталось.

– Приянка? С ней случилось и похуже, – мрачно ответил он. – И должен предупредить: через несколько минут она очнется. И еще неизвестно, кто вырвется отсюда первой. Но до того как вы соберетесь удрать, пожалуйста, не забудь развязать меня. – Его негромкий голос был холоден как лед. – А когда вы покончите с ними, я постараюсь, чтобы по останкам их никто не смог бы опознать.

Никакой реакции. Никто даже не заколотил в дверь, чтобы нас заткнуть. И никаких насмешек.

Я глубоко вздохнула, вздрогнув, когда крупная капля ржавой воды упала мне на лоб.

– Может, они ушли, – рискнула предположить я. – Сделали перерыв, чтобы осуществить еще какой-нибудь зловещий план. Извини, я не спросила тебя: сам-то ты как?

– Я просто... хочу выбраться отсюда, – торопливо произнес парень. И я услышала, что он снова попытался сменить позу – может, решил оглядеться получше? – Есть идеи, зачем ты им понадобилась?

Похоже, он думает так же: их целью была я, а ребята случайно оказались на линии огня.

Как говорится, сопутствующий ущерб, но при этом они оба обладают таким боевым мастерством, которое я видела только у обученных солдат.

– Может, чтобы я сделала заявление? Чтобы получить выкуп? – Я решила сначала его прощупать, послушать, что он решится рассказать о себе, прежде чем откажется отвечать на вопросы. – Почему ты считаешь, что нападали не на тебя? Не на Приянку?

– Потому что во мне нет ничего такого, – негромко откликнулся мой собеседник. – И от Приянки толку мало, разве что нас планируют продать на аукционе. Но все это стрельба по воробьям, если на кону такая важная птица, как ты. К чему размениваться и рисковать?

– Сомневаюсь, что кто-то вообще рискнет продавать «пси». Правительство пресекает любые попытки незаконно ввозить и вывозить таких как мы, – возразила я. – Именно поэтому нас так сильно контролируют – чтобы защитить от подобных попыток.

– Предположим, – протянул он. – Так что ты собираешься сделать?

– Это ты о чем?

– Как ты планируешь провернуть побег? – пояснил парень. – Я не могу определить, как долго мы уже здесь находимся, но если охранники и правда ушли, возможно, они готовятся нас перевезти.

Я слушала его, ощущая удивительное, не соответствующее

щее обстоятельству спокойствие. Потому что он смотрел на меня и спрашивал, что делать.

Потому что он полагался на меня.

– Обычно я не против приятной поездки, но мы не можем допустить, чтобы нас увезли, – рассуждала я. – Если нас придут развязать, чтобы перевести в другой транспорт, нужно подождать, пока нас всех не освободят. И драться.

– Согласен.

Я ненадолго закрыла глаза и выдохнула через нос.

– Не бойся, – прошептал парень.

– Я как раз собиралась сказать тебе то же самое, – слабо улыбнулась я. Я почувствовала во рту привкус крови – на рассеченной нижней губе открылся порез. – Знаешь, меня будут искать, и как только мы выберемся, этих уродов будут судить, и они ответят за каждую отнятую ими жизнь. Так и будет.

В помещении воцарилась тишина, пока парень наконец не спросил:

– А как же я?

– Если захочешь помочь, не откажусь, – сказала я.

– Я не о том, – перебил он, – со мной ты тоже поступишь так же? Заставишь ответить по всей строгости закона?

– О чем ты говоришь? – не понимала я.

– О людях, – уточнил мой собеседник. – О тех, кого я убил.

О тех, с кем он расправился расчетливо и быстро, и в лице

у него ничего не дрогнуло.

– Это же была самозащита. – Вот уж не думала, что придется объяснять очевидное. – Даже слепому ясно.

– Самозащита – это не для таких как мы, – проговорил парень.

– Что ты имеешь в виду?

Мой собеседник замолчал, но я не отступала:

– Кто ты вообще такой, если все это умеешь? Ты не просто студент, не так ли? Зачем ты на самом деле пришел на это выступление?

– Все не так, как ты думаешь, – быстро сказал парень. – Сузуми, послушай...

Где-то рядом заскрежетал металл. В помещение хлынул дневной свет, золотистые лучи вечернего солнца. Чем сильнее я всматривалась в силуэты в проеме, тем сильнее слезились глаза.

– Да кто вы вообще такие! – крикнула я им.

В ответ раздался удар металла по металлу, за которым последовало зловещее шипение. Вокруг нас клубился газ, заполняя маленькое пространство. Дверь захлопнулась снова, и тяжелый замок с грохотом вернулся на место. Воздух стал горьким, запахло химией.

– Проклятье, – выговорил парень заплетающимся языком. – Не дыши. Старайся не...

Мои мысли замедлялись, а мир вокруг снова перевернулся вверх тормашками. Тьма засасывала меня, как водоворот,

так быстро, что я не успела испугаться, проснулась ли я снова.

– Как тебя зовут? – выдохнула я. – Твое имя?

Дергаясь в путах, я боролась с надвигающимся мраком. Это было неправильно, все это было неправильно, я не могу уйти, не зная...

И прежде чем мир растворился во тьме, я все же услышала:

– Роман.

Глава шестая

Когда я очнулась снова, то услышала гудение колес, приглушенные голоса и громкое хриплое дыхание нависшего надо мной мужчины.

Я снова лежала, распластавшись на спине. Было невыносимо жарко. В помещении стоял запах горячей резины. Я варилась заживо в собственном поту.

– Отстой, – раздался сердитый голос. – Ни черта не видно...

Хрустнув суставами, мужчина выпрямился и отошел, наступив мне прямо на ногу.

Я изо всех сил пыталась не отключиться снова. Я должна была понять, где нахожусь, до того, как забытье снова одержит верх и утянет меня во тьму.

Вокруг царила крошечная тьма. Единственным источником света служил небольшой фонарик, прикрепленный к шлему того мужчины. Все та же черная униформа, бледное лицо выплывает из мрака точно призрак. Очертания его фигуры, выхваченные тусклым освещением, казались воплощением кошмарного сна, который перешел в явь. Перед глазами все расплывалось, и я не могла понять, действительно ли он вешает рядом со мной пакет с желтой жидкостью или это галлюцинация.

Оказалось, не галлюцинация.

Фонарь на шлеме замигал. Мужчина стукнул по нему кулаком, на мгновение осветив Романа, безвольно лежавшего неподалеку. Человек пнул его сапогом, перекатив на спину, а потом на правый бок – ко мне спиной. Роман дышал неглубоко и часто и не пошевелился, даже когда мужчина опустился на колени рядом с ним, вытаскивая новый пакет... или...

Я никак не могла вспомнить слово.

Руки Романа были связаны за спиной с помощью черной стяжки. Скорее всего, и ноги тоже. Мои собственные лодыжки крепко вжимались друг в друга, и я чувствовала, как что-то твердое впивается в кожу.

Мужчина поднялся, луч фонаря сместился, и я увидела, как жидкость из пакета стекает по тонкой трубке в руку Романа. Игла в его предплечье была закреплена тугой повязкой из скотча.

Но... я прищурилась в ожидании, когда черные пятна исчезнут перед глазами. Капельницы Романа и Приянки подвесили к прикрепленным к потолку ремням – такие ремни используют для крепления грузов.

Теперь я почувствовала боль – в том же месте. Я ощутила нарастающее, постоянное давление там, где игла пронзала тонкую кожу. Моя капельница была закреплена на металлической стойке. Первые несколько капель такой же желтой жидкости уже потекли к моей руке.

Картинка передо мной окрасилась разноцветными разводами, я сжалась от ужаса, организм отчаянно сопротивлялся.

ся действию неизвестного вещества. Руки были тяжелыми, словно их заполнили горячим песком.

Я не могла пошевелиться. На запястьях оказались не стяжки, а настоящие, покрытые резиной наручники. Пот капал по лбу, по горлу, по груди.

Проникая в тело, наркотик оставлял во рту вкус тухлятины. Я теряла концентрацию. Мужчина все еще возился, склонившись над Романом. Но когда он наконец оказался ко мне спиной, я вцепилась зубами в трубку своей капельницы и что есть сил дернула.

Длинная игла наполовину вышла из вены, а край повязки, зашуршав, отклеился от кожи.

Я застыла, согнув пальцы, точно когти. Наблюдала за мужчиной. Ждала.

Он не обернулся, только пару раз чихнул, не закрывая рта и вытирая пот и сопли рукавом своей черной рубашки. Когда я снова сжала в зубах пластиковую трубку, мои уши заполнил шум помех. Я не отводила от мужчины взгляд, хотя мое сердце предупреждающе заколотилось.

Лента соскользнула настолько, чтобы игла вышла. Теперь содержимое капельницы растекалось по моему запястью и тыльной стороне ладони, капало на резиновую подстилку, на которой я лежала.

Мужчина выпрямился и вытащил из кармана сотовый. Набрал сообщение. Экран бросал слабый голубой отсвет на его лицо. И этого оказалось достаточно, чтобы мои подозре-

ния подтвердились.

Это была какая-то фура. Каждый сантиметр – внутренняя поверхность двери, стены, пол – был покрыт смолистым черным ковром из шин, нарезанных на куски и сплавленных друг с другом.

Голова заработала лучше – фрагменты картины постепенно соединялись в единое целое. Я посмотрела на подставку для капельницы, нависавшую надо мной, отметив, что две другие подвешены кое-как.

Мы оба были правы: им была нужна только я.

Роман тоже был Желтым, не так ли? Я видела его значок, и похитители наверняка тоже видели. Однако настоящие про-резиненные наручники были только на мне. Приянка была Зеленой – а их-то опасными вообще не считали, но ее руки были связаны спереди, а ноги скреплены стяжками. Если им была нужна только я, почему они попросту не убили других – свидетелей?

Один из возможных ответов – воздействовать количеством. Что лучше, чем один заложник? Три заложника. Есть с кем расправиться, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений и доказать, что смогут поступить так же со мной.

Но интуиция подсказывала мне, что Роман и Приянка совсем не так просты, и от этого чувства я не могла избавиться. В ту секунду, когда Роман выстрелил в первый раз, оно пронзило меня, как электрический разряд, и только усили-

валось.

Я ненавидела с подозрением относиться к таким как я, которые нуждались в помощи. При мысли об этом меня начинало мутить. И если бы я каждый раз просчитывала «за» и «против», то много лет назад я бы никогда не открыла дверь фургона, чтобы впустить Руби.

Однако и нападавшие, и эти двое ребят, и те, кто теперь нас удерживал, были слишком хорошо обучены. Чтобы научиться стрелять так, как Роман, необходимо пройти многочасовое обучение и немало практиковаться. Чтобы драться так уверенно, как Приянка, нужно иметь опыт подобных стычек.

Может, они все же были замешаны. Мне, конечно, хотелось верить, что все «пси»-дети – на одной стороне и защищают друг друга. Но я же не идиотка. Недавно стало известно о существовании оппозиционной нам группировки «Псионный круг». Их акции превратились в постоянную угрозу хрупкой стабильности, подрывая работу, которую вел Совет Пси. А может, этих двоих для того и наняли, чтобы я доверилась помощи таких же «пси» и поймалась на крючок. Ну тогда все прошло просто на отлично.

Но... Роман и Приянка были тоже связаны и находились под действием наркотика.

Вайда всегда говорила: лучший способ пробраться через дерьмо – это ринуться вперед и прорываться – граната в одной руке, а вторая рука зажимает нос. Сначала мне нуж-

но избавиться от прямой угрозы, потом привести в чувство остальных и добиться ответов. Раз я сумела остаться в сознании, мне и придумывать план нашего спасения.

– Ага, новые вводные. – Мужчина сунул телефон обратно в кожаный чехол на поясе и, балансируя на вибрирующем полу, шагнул к стенке, за которой находилась кабина грузовика, и забарабанил по ней.

– Слышал эту хрень? Какого черта нам нужно их тащить туда? Ехать через всю зону – это реально долбаный кошмар.

Я не расслышала слов ответа, однако различила голоса двоих.

– Ну да, ну да, – пробормотал охранник.

Его налобный фонарь снова замигал, на этот раз высветив Приянку, которая лежала слева от меня. Ее капельница опустела, и пакет сжался, будто требовал добавки.

Грузовик подо мной потряхивало. Когда мужчина проходил мимо, я закрыла глаза. Правая нога Приянки уперлась в мою, а мужчина наклонился и, сжав ее подбородок рукой в перчатке, растянул мягкую кожу ее щек. Он вглядывался в ее лицо, приблизив его к скрытым маской губам. Потом поцокал языком и шутливо причмокнул.

Холодная ярость почти выплескивалась из меня. Пальцы теребили наручники – я пыталась незаметно вытащить правую руку. С одного бока у охранника висела кобура с пистолетом, а на другом – нож в ножнах, на поясе был закреплен генератор белого шума, а в карман он сунул смартфон. И,

если ощущения меня не обманули, в ухе у него был передатчик.

Присвистнув, мужчина толкнул Приянку обратно, голова ее откинулась, ударившись о резиновую подстилку. А когда его взгляд задержался на обнаженных бедрах, выглядывавших из-под задранного платья, мой рот презрительно изогнулся.

О, так вот это что. Он из *таких* ублюдков.

Мысли с безумной скоростью проносились в моем сознании. Сейчас, в темноте, рождалась новая я. Уже не та идеально причесанная девочка, которая стояла перед слушателями, улыбаясь, улыбаясь, улыбаясь, что бы мир ни бросал ей в лицо. Здесь не было камер. Здесь не было протокола.

Нужно было просто сбежать. Выжить.

Мужчина повернулся, отпихнув мешавшую ему ногу Приянки, чтобы подойти к небольшому холодильнику рядом с дверью.

– А тебе повезло, что не лежишь тут с переломанными ногами, чтоб не сбежала, – небрежно бросил он, словно обсуждая прогноз погоды. *Облачно, но придется помучиться.* – Хотя я-то голосовал именно за этот вариант.

Охранник поднял крышку, и мигающий свет его фонаря подсветил еще один пакет с желтой жидкостью, который мужчина вытащил из холодильника. Свет сместился – его взгляд снова обратился на Приянку.

– Я получил бы особое наслаждение, ломая косточки по

одной, начиная с твоих бедер.

Слова мгновенно слетели с языка, и я осознала, что наркотик уже почти не действует на мой организм. Они прозвучали четко, хотя саднило пересохшее горло.

– Любишь подглядывать за девочками, когда они без сознания, а?

Пакет с жидкостью выскользнул у мужчины из рук и шлепнулся на резиновую подстилку. Двигатель грузовика взревел, набирая скорость. Я чувствовала сияние электрического тока, протекавшего по всему корпусу грузовика, но я не могла подключиться к нему. Мешала разделявшая нас многослойная резиновая изоляция.

Свет фонаря упал на мокрое пятно у меня на руке.

– Пронырливая маленькая сучка, – словно не веря своим глазам, протянул он.

– Назовешь меня сучкой еще раз, и я покажу тебе, как сильно я кусаюсь, – огрызнулась я.

– А у тебя неплохой ротик, – угрожающе сказал охранник. – Я планирую найти для него хорошее применение, пусть ты и уродка. Может, я оставлю тебя в сознании, просто чтобы услышать, как ты будешь орать.

Он расхохотался, и то сумеречное существо, что жило во мне, тот крохотный темный уголок моего сердца, которого я так стыдилась, когда он требовал больше, вдруг встрепенулся и начал расти.

Сколько людей должны из-за тебя умереть, прежде чем

ты что-то сделаешь?

На размышления времени не было. К черту выдержку и невозмутимость! Я позволила волне гнева смыть из моего сознания образ Мэл и все ее уроки.

А потом я тоже рассмеялась.

Голос был пугающим, каким-то лающим. Услышав его, человек издал резкий вздох.

– Прекрати! – рявкнул он, наклоняясь.

Его фонарь ослепил меня, но я не стала закрывать глаза и прятаться от света. Мужчина наступил мне на ногу, и я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть от боли, когда он начал давить на нее всем весом. Вызов. Угроза.

– Согласна, это забавно, – процедила я. – Правда, это реально забавно, как сильно твои дружки там, в кабине, тебя ненавидят.

Его лицо было так близко от меня, чтобы я заметила, как он скосил глаза, подтвердив мои подозрения: наркотика будет достаточно, решили они, а наручники решат и другие проблемы.

– Какого черта ты несешь? – спросил он.

– Тебя же заперли здесь, со мной, не так ли? – пояснила я, улыбаясь и чувствуя, как снова лопается порез на губе.

– Заткнись нахрен! – взревел охранник, бросаясь в заднюю часть кузова за новой порцией наркотика. Приянка отреагировала на его громкий возглас и заворочалась, ее капельница по-прежнему была пустой – сменить ее мужчина

забыл. – Я не могу убить тебя, но постараюсь сделать так, чтобы эти несколько часов ты провела в настоящем аду. Так что попробуй только, уродская сучка.

– Что я тебе сказала насчет этого слова? – напомнила я.

Я ощутила заряд передатчика в его ухе и ухватилась за него. Пусть моя голова трещала, мне хватило секунды, чтобы сконцентрироваться на его пульсации и поджарить маленькую электрическую цепь, спрятанную в пластиковом корпусе.

– Черт! – заорал охранник, прижав к уху ладонь. Он пытался выковырять передатчик, и я заметила, как у него между пальцами поднимается струйка дыма.

– Здесь обложили все резиной, чтобы защитить кабину и грузовик. Но забыли посоветовать тебе оставить электронику снаружи. – Я подняла скованные руки. – Неужели ты поверил, что мне обязательно нужно до тебя дотронуться?

Рука охранника скользнула к поясу, к генератору белого шума.

Если не имеешь моих способностей, понять, как они действуют и на что я способна, довольно непросто. Большую часть времени старательно я притворяюсь, что я обычный человек и не слышу, как поют электронные устройства, как они гудят и жужжат, не ощущаю, как глухо ворчат кабели, скрытые под землей.

Это страшно – с самого детства я боюсь этой силы. Силы безграничной. Заряд, который существовал в моем созна-

нии, всегда стремился соединиться, дополнить и замкнуть ближайšie электрические цепи.

Я потянулась к батареям. Они потянулись ко мне.

Прибор взорвался у него в руке. Мужчина упал на спину, оглушенный звуком взрыва и болью, горячий кусок пластмассы приземлился мне на ногу. Но я еще не закончила – нужно еще дотянуться сознанием до аккумулятора его телефона.

– Извинись, – прохрипела я.

– Ты... сучка!

Батарея взорвалась в кармане его формы. Черные штаны охранника загорелись, потом огонь побежал выше, добрался до шеи, до лица, до шлема. Пытаясь сбить пламя, мужчина упал на пол, издавая отчаянные, душераздирающие крики. Однако грузовик даже не замедлил ход.

Я глубоко вдохнула и села. Тьма, окутанная дымом, наваливалась на меня со всех сторон, плавилась от жара резина. Я заставила себя спустить ноги, чтобы контролировать обстановку.

Мужчина все еще корчился и стонал, пытаясь подползти к двери, но когда это ему почти удалось, его тело содрогнулось в последней судороге и обмякло. Огонь не унимался, пока было чему гореть. Потом на резиновой подстилке зазмеились тонкие мерцающие прожилки. Когда погас последний язык пламени, все снова погрузилось во мрак: чернота и шорох колес по дороге в такт с биением моего сердца.

Глава седьмая

– Чертова... хрень...

Я вздрогнула, услышав голос Приянки.

Девушка чуть повернулась на бок, дернувшись, когда натянулась пустая трубка капельницы, и резким движением сорвала пустой пакет с крепления.

– Давай помогу, – предложила я.

Вопрос только, как. Мои лодыжки были связаны стяжками. Все, на что я была способна, это ползти к ней.

Цепочка, соединявшая наручники, натянувшись, звякнула, когда я рывком отклеила скотч, не обращая внимания на ее возглас:

– Ой, черт!

– Да разве это больно? – удивилась я.

Налобный фонарь мужчины все еще горел, направленный в стену. Я постаралась не поджарить этот прибор, решив, что он еще может нам пригодиться. Теперь луч света выхватил все ее ушибы и порезы. Когда я их увидела, мое тело мгновенно отреагировало на собственные, и на секунду у меня даже дыхание перехватило от боли.

Я потрясла головой, вынимая иглу из руки Романа.

– Добавлю это к своему списку жалоб, – пробормотала Приянка.

Роман негромко вздохнул, но не проснулся, хотя я так на

это надеялась.

Я стащила с крепления пакет с желтой жидкостью и повернула его к свету фонаря, чтобы найти этикетку. Емкость опустела уже примерно на четверть. Похоже, парень получил большую дозу, чем мы с Приянкой, и я не знала, как долго он будет без сознания, и не придется ли нам бежать без него.

Было бы проще. Я никак не могла прогнать эту мысль, которая выплывала в моем сознании. Меньше на одного человека, от которого придется убежать мне. Меньше на один повод испытывать мою выдержку.

Но также это означает – на одного человека меньше из тех, кто поможет отбиваться.

Я тяжело вздохнула. Кого я обманываю? Мне и в голову не приходило бросать их на произвол судьбы. Как бы я потом с этим жила? Если существует хотя бы малейшая вероятность того, что они – невинные жертвы обстоятельств, я собираюсь дать им такой же шанс выбраться отсюда.

– Где мы вообще? – спросила Приянка.

Приподнявшись на локтях, она наконец смогла сесть, и ее волнистые черные волосы рассыпались на плечах. Девушка все еще находилась под действием наркотика: язык плохо ворочался во рту, глаза блестели, как у человека с затуманенным сознанием. А это значило, что я могу попробовать...

В другое время и в другом, совершенно ином мире мне стало бы стыдно за такую хитрость, но сейчас это был вопрос жизни и смерти. И я собиралась выбраться из этого грузови-

ка живой, чего бы мне это ни стоило.

– Никак не могу понять, кто нас похитил, – небрежным тоном проговорила я. – Ты никого не узнала?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? – откликнулась девушка, дотронувшись связанными руками до щеки, на которой проступал новый синяк в виде отпечатка пальца. – Разве у тебя не должно быть какого-нибудь каталога плохих парней? Как называют тех идиотов, которые всегда выходят поорать на шоссе или на выступления и машут своими плакатами?

– Ты имеешь в виду «На страже свободы»? – спросила я.

– Если это те, кто считает, что вы, «пси», должны пожертвовать собой и типа создать армию? Да, «На страже свободы»?

Холод пробежал по моей спине.

– А *вы* сами-то «пси»? – Не знаю, как мне удалось выговорить эти слова и даже при этом улыбнуться, когда паника холодными пальцами гладила мое лицо. – Кстати, сильно тебя тогда ударили?

Между нами на мгновение воцарилась тишина, а потом Приянка прижала руку к лицу.

– Ага. Ух. У меня в голове полная каша... Я... – Она втянула воздух через нос, взглянула на Романа. – Я одна из этих... вундеркиндов.

– Прости, что?

– Ну... Зеленая? Какой там «правильный» ярлык выбрало

правительство? – отмахнулась Приянка.

Что-то в этом было фальшивое. На самом деле все. Так они что, вообще не из наших? Я не заметила, как они используют свои способности. Да, они были моими ровесниками. Но среди моих ровесников были и те, кто не пострадал от ОЮИН.

«Сделай что-нибудь, – подумала я, вспомнив про замок на своих наручниках. – Не дай им оказаться на свободе раньше тебя».

Наклонившись вперед, я поползла к мертвецу. Приянка смотрела на меня, и мощь ее взгляда была почти удушающей. У меня перехватывало дыхание от усилий, которые требовались, чтобы не оглянуться и не ответить на него.

Ключи. Мне нужны были ключи от наручников. Я ощутила обгоревшую грудь мужчины в поисках кармана. От сгоревшей кожи и волос исходила такая вонь, что я постаралась вообще не дышать. Его пояс почти не пострадал, но в нем я ничего не нашла – только сигареты.

Меня почти выворачивало наизнанку, но мозг снова переключился в режим выживания. Сейчас я думала только о том, как выбраться из грузовика и остаться в живых.

Если у охранника и были ключи от наручников, они либо расплавились, либо куда-то свалились, когда он пытался спастись. Но, вероятнее всего, они у кого-то из тех, что в кабине.

– Мало того что мы почему-то должны заявлять о сво-

их способностях с помощью этих мерзких значков, но зачем еще использовать ярлыки, которые нам навязали? – спросила Приянка. – Зачем вы, «пси» из правительства, так на *этом* настаиваете?

Дрожащими пальцами я нащупала рукоятку прикрепленного к поясу небольшого ножа. Это могло сработать. Мне нужно просто просунуть лезвие между звеньями цепи и хорошенько нажать, чтобы они разошлись.

Мой взгляд упал на пистолет, и когда я наконец оглянулась на Приянку, оказалось, что она тоже заметила оружие.

Затем ее взгляд сместился, и наши глаза встретились.

«Проклятье, – думала я и, покрепче ухватив рукоять ножа, вытащила его из ножен. – Скажи что-нибудь, скажи что угодно...»

Но молчание нарушила Приянка. Она щелкнула языком и улыбнулась – слишком легко для искренней улыбки.

– Удивительное дело – ты ничего не отвечаешь. Твой спирайтер не написала тебе парочку удачных фраз про запас на такой случай?

Я знала, что многие из «пси» не видят особого смысла в работе, которую мы вели с президентом Круз и временным Конгрессом – но они и понятия не имели, с чем нам приходилось сталкиваться, чему противостоять. Всегда легче критиковать со стороны, чем засучить рукава и действительно чем-то помочь.

– Что ж, похоже, ты и правда не наш фанат, – парирова-

ла я, сохраняя нейтральный тон. — Тогда все понятно. Роман уже сказал мне, что вы пришли туда не для того, чтобы послушать речь.

Это была ложь, но Приянка все равно удивленно приоткрыла рот.

Страх переплетался с разочарованием, пока я не потеряла способность отличить одно от другого.

Я хотела бы ошибиться.

Я хотела бы поверить им.

Я словно наблюдала за тем, как вихрь мыслей и возможных объяснений сменялся в ее темных глазах, пока она отметала один вариант за другим в поисках наилучшего и в итоге выбрала, как я ожидала, полное отрицание.

— Это все наркотик, которым его накачали. Мы были там, потому что обязательно должны были прийти, как и все ученики из нового потока.

Искушение копнуть глубже было очень велико, учитывая, что лживые утверждения начали громоздиться друг на друга, как карточный домик. Но один неверный ход с моей стороны, и вся конструкция обрушится на меня, а и без того опасная ситуация станет еще хуже. Легкую подозрительность можно оправдать, но если у Романа и Приянки были еще какие-то планы на мой счет, тогда более сильное давление принесет лишь один результат: они объединятся и замкнутся в себе.

Так что выбраться отсюда и выйти на связь с Вашингто-

ном я должна была исключительно в одиночку.

– Наверняка так и было, мы даже слышали друг друга плохо, – согласилась я. – Ваши семьи, наверное, сходят с ума от беспокойства. Надеюсь, с ними все в порядке? Как только мы выберемся наружу, найдем телефон, чтобы вы смогли им позвонить.

Или мы посмотрим, как вы будете придумывать оправдания, чтобы этого не делать. Или делать вид, что звоните.

– А вот это предположение – мимо, – откликнулась Приянка. – Роман – моя единственная семья, а я – его.

Черт. Деланая непринужденность, с какой девушка произнесла эти слова, однозначно свидетельствовала об их правдивости. Стыд обжег мое горло. Мне не следовало упоминать о семье. Видит бог, о своей-то я вообще не хочу говорить.

– Прости, – слабо улыбнулась я. – Столько всего произошло. Но, отвечая на твой предыдущий вопрос, скажу: я понятия не имею, из какой они группировки. Антиправительственной, анти-«пси» или даже из «Псионного круга»...

Приянка подставила мне руки, чтобы я разрежала стяжки, и ее напряженная поза наконец-то стала более расслабленной. Прежде чем заняться ею, я разрежала путы, которыми были стянуты мои лодыжки. Когда руки Приянки наконец упали на колени, ее лицо больше не казалось закрытым; отблески недоверчивости исчезли из ее взгляда, и на долю секунды на ее губах появилась слабая улыбка. И тут же исчез-

ла.

Но я это заметила.

Да кто ты такая? Я изо всех сил старалась сохранить невозмутимый вид, хотя волосы у меня на затылке становились дыбом. *Кто ты вообще, черт побери?*

– Ну, «Псионный круг» ты можешь вычеркнуть из этого списка, – заявила Приянка. – Это были не они.

– Почему ты так уверена?

Эта группировка походила на призрак; бесчисленные детективные агентства пытались выследить их, поступали сообщения о преступлениях, совершенных от их имени, но они никогда не выходили из тени. Многие предполагали, что это какие-то остатки Детской лиги. Но все, кто когда-то был связан с Лигой, не скрывались и в большинстве своем сразу же начали работать на правительство.

– Потому что, – сказала Приянка, – мы когда-то с ними сотрудничали.

Наехав на выбоину в асфальте, грузовик вильнул. Я пристально посмотрела на девушку.

– Ой, да ладно. Я видела, как ты пялилась на Романа, когда он убрал тех ребят, – заявила она, взглянув на парня. – Ты не дура и не слепая. Сразу видно, что нас тренировали. Удивительно, что ты сама обо всем не догадалась.

Ее голос звучал так, будто она бросала мне наживку. Я почувствовала приступ раздражения, так что мне пришлось сделать глубокий вдох.

– Я не думала, что «Псионный круг» на самом деле существует, – призналась я. *И потом, чем ты можешь это доказать?*

– Так вся идея заключалась именно в этом: оставаться в тени и незаметно добиваться того, что правительство не хочет отдавать нам по доброй воле, – пояснила Приянка, раскачиваясь в такт движению грузовика. – И, что еще важнее, туда допускаются только «пси».

Разумно. Смахивая с лица прилипшие пряди волос, я обдумывала услышанное. Она выбрала тех, о ком правительство, и я в том числе, практически ничего не знало. С того момента, как я впервые услышала об этой группировке, я успела возненавидеть все, что было с ними связано. Неуправляемые, они порождали хаос, тогда как мы ставили совсем иные цели.

– Так ты пришла на встречу, чтобы добиться... чего? Отчитаться своим боссам о том, что я сказала?

– Мы пришли, чтобы начать все заново, – резко ответила Приянка. – Чтобы начать новую, нормальную жизнь после того, как ушли из организации, которая оказалась для нас чересчур... Чересчур жестокой. Твою речь же транслировали, помнишь? Я могла бы просто включить телевизор в общежитии и узнать все, что мне нужно.

На самом-то деле далеко не все. Как, например, протоколы безопасности, какую машину мы возьмем, степень участия Мэл, имена агентов, анализ потенциальных угроз.

– И при этом я бы просто валялась на кровати, поедая «Поп-Тартс»¹, – добавила она. – Думаешь, нам так уж хочется слушать твою болтовню о том, что еще правительство собирается у нас отнять? Нас просто заставили туда пойти – в буквальном смысле вытащили из комнат.

Когда люди врут, то сообщают слишком много подробностей – это я знала точно. «Поп-Тартс» – отличная деталь, но Приянка – не единственная, кто может придумать подробную легенду буквально из ничего.

– Что ж, прости, что отвлекла тебя от важных дел, – вздохнула я. – Общежитие выглядело очень мило. «Саутгейт», верно? Когда мы приехали, декан провел для нас экскурсию. Именно там нашли пропавшую голову от талисмана, да?

Ложь, ложь, ложь: общежитие, которое только что открыли, называлось совсем иначе. А «Саутгейт» даже не был общежитием. И голова талисмана тоже не пропадала.

Непринужденный ответ прозвучал почти сразу, но я уловила эту секундную паузу.

– Ага. Ее нашли в духовке, на кухне, на третьем этаже.

Ложь.

Казалось, я должна была торжествовать, однако напряглась еще сильнее. Приянка впилась в меня взглядом, словно видела меня насквозь, знала, о чем я думаю. *Она хотела, чтобы я поймала ее на лжи. И тогда бы она показала, на*

¹ Pop-Tarts – печенье с двуслойной сладкой начинкой. Очень популярно в Северной Америке.

что способна.

Ладонь, сжимавшая нож, стала скользкой от пота. Я крепче сжала пальцы, прижав его ближе.

– Я рада, что ты ушла оттуда. Из «Псионного круга», – снова заговорила я. – Удивительно, что группировка, которая больше похожа на террористическую организацию и помещена на секретности, так просто тебя отпустила.

– Для этого нам пришлось инсценировать свою смерть, – огрызнулась девушка. – И называй их как угодно – можешь не стесняться. По крайней мере, они пытаются сделать что-то для «пси».

– На самом деле они только разрушают то, что делаем мы, – парировала я. – Нельзя сжигать дом дотла, пока мы все еще там живем. Если хочешь добиться долгосрочных изменений, нужно вести переговоры – сидеть за одним столом. Единственное, в чем «Псионный круг» точно преуспел, это в том, что люди напуганы, а из-за этого хорошим парням приходится несладко.

– Неужели ты и правда в это веришь? – спросила Приянка.

Я не хотела с ней спорить, и оправдываться мне было не в чем. Я сотрудничала с правительством, потому что, несмотря на все его недостатки, нам обеспечивали защиту и безопасность.

Поэтому, приподняв скованные наручниками руки, я просто молча пожала плечами.

Наконец взгляд Приянки снова вернулся к Роману, и де-

вушка глубоко вздохнула.

– Слушай, – тихим голосом начала она. – О том, что такое криминальные группировки, я знаю не понаслышке и кое с кем оттуда даже знакома. Но честно скажу, эти мужики показались мне обычными бандитами. Хорошо натренированными. Может, это бывшие военные? Бывшие СПП, которые переквалифицировались в наемники? Может, от тебя не убудет просто...

– Просто что? – уточнила я.

– Мой глупый, героический лучший друг-бойскаут выжил во время взрыва и все равно побежал к тебе, потому что думал, что тебе нужна помощь, а не потому, кем там ты была. Но ты все равно записала нас в злодеи, – сказала Приянка. – Но, может, сейчас сосредоточимся на том, чтобы отсюда выбраться?

Голос ее дрогнул, и мне стало не по себе.

Я опустила глаза. Если окажется, что все это – правда, я еще успею повиниться и попросить прощения. Но сейчас нужно было просто разрядить обстановку.

– Ты права. Прости. Я просто пытаюсь понять, что же случилось.

– Что... происходит?... – раздался вдруг тихий голос. Потом прозвучало громче: – При?

Мы обе вздрогнули от неожиданности, когда Роман перевернулся на спину. Парень яростно моргал, глядя на тусклый свет.

– Я здесь. – И Приянка наклонилась к нему. – Ты в порядке, приятель?

Медленными движениями, постепенно освобождаясь от воздействия наркотика, Роман попытался сесть, не сразу почувствовав, что его скрученные за спиной руки притянуты к связанным ногам.

Вздвогнув всем телом, он снова повернулся на бок, застонал и опять изогнулся, пытаясь вырваться.

– Все в порядке, в порядке. Роман, подожди. Не делай этого... не смей... – Приянка безуспешно пыталась успокоить друга.

Однако тело Романа корчилось, точно парень бился в агонии, потом он весь сжался, сведя вперед плечи, мышцы спины и рук напряглись...

– Я не собираюсь снова его вправлять! – крикнула Приянка. – Не смей...

Раздался омерзительный чавкающий хруст, стяжка на запястьях разорвалась, а левое плечо Романа вылетело из сустава.

Услышав этот ужасающий звук, я отшатнулась. Какого черта?

Приянка изобразила рвотный позыв.

– Боже! Когда ты уже перестанешь выпендриваться?

Держась рукой за плечо, Роман снова попытался подняться.

– О нет, только не это! – завопила Приянка. – Дай я... ты

опять не так сделаешь...

Она обхватила рукой его плечо и стиснула зубы. Я только успела отвести взгляд, как резким рывком девушка вправила сустав. Роман зарычал от боли и протяжно выдохнул. Теперь его внимание переключилось на связанные лодыжки.

– Что? Надеюсь, ты не собираешься перегрызть стяжки на ногах? – проворчала Приянка. Грузовик свернул направо, и всех нас качнуло. – Или ты закончил представление?

Роман не ответил, и я решила вмешаться.

– Знаешь... – заговорила я, неловко протягивая ему лезвие. – Может, ножом?

– Он не сказал ничего о том, кто они или куда нас везут?

Роман склонил голову над наручниками и крутил мои запястья туда-сюда. Его прикосновения были обманчиво мягкими, а между тем ладони и пальцы парня были покрыты мозолями, которые появляются у тех, кто уже много лет имеет дело с самым разным оружием.

А еще тыльная сторона его правой ладони была покрыта паутиной темных шрамов. Они выглядели совсем свежими, и я слегка повернула его руку, чтобы получше их рассмотреть, но Роман тут же выдернул ладонь.

– Прости, – пробормотала я.

Что могло оставить такие шрамы? Огонь?

Опустив голову, Роман снова занялся наручниками.

– Однажды сделал глупость, – тихо объяснил он. – Сам

виноват.

Я промолчала, и парень взглянул на меня – сквозь пряди спутанных волос на меня уставились светлые глаза, обрамленные густыми ресницами. Он снова нацепил непроницаемую маску, но в глубине глаз бушевали эмоции. Они были опасны – они затягивали меня в глубину, хотя голос разума убеждал отвернуться.

Глаза поэта, руки убийцы.

Кто ты вообще, черт побори?

– Мы у тебя в долгу, – сказал он, кивнув на мертвеца. – Вряд ли он понял, что его убило.

В тот момент мне казалось, что это был наш единственный шанс, и я должна была уничтожить врага. Но теперь я начала сомневаться: не допустила ли я ошибку, показав, на что способна.

– Он этого заслуживал.

Испытующий взгляд Романа обжигал мою кожу, а в мыслях у меня царил полный хаос. Точно также парень смотрел на меня, когда помогал выбраться с места взрыва: облегчение и признательность. Но почему?

«Держи дистанцию», – напомнила я себе.

Я слегка отодвинулась и выпрямилась.

– Все, что я от него услышала – это то, что план операции изменился. А еще, что ехать придется довольно долго.

Лучше не вспоминать, для чего он это сказал.

– Операция. – Приянка хихикнула и снова повторила: –

Операция.

– Что не так?! – вскинулась я.

– Стой спокойно, не дергайся, – не повышая голоса, оборвал меня Роман. – Я не могу снять наручники без ключа, но на какое-то время сойдет и так.

Раскрыв нож, он просунул лезвие между звеньями цепочки. Грузовик подпрыгивал на ухабах. Надеюсь, у меня получится удержать руки ровно, и что у него они тоже не дрогнут.

– Просто смешно слышать, как ты это произносишь, – хмыкнула Приянка и пропищала: – *Операция.*

Металлическая цепочка порвалась, и я обрела свободу.

– Похоже, на тебя их часто надевали? – спросила я Романа, потирая запястья, по-прежнему закованные в наручники.

Парень крутил в руках нож, явно обдумывая ответ.

– Мы по-прежнему пытаемся снять стресс?

Мои нервные окончания искрились, в одно мгновение раскаляясь добела – разве что дыма не было. Да, именно так.

Приянка подняла руки.

– Давайте вернемся к действительности! Как думаете, сколько людей в кабине грузовика?

– Я услышала два голоса, – вспомнила я.

Приянка поднялась во весь свой впечатляющий рост и стукнулась головой об одну из пустых полок, закрепленных вдоль кузова.

– Ой, черт. Ну тогда действуй, свеча зажигания, – буркнула она, потирая рукой макушку. – Твой выход. Сможешь

затормозить грузовик?

– Как ты меня только что назвала? – прищурилась я.

Роман, вздохнув, посмотрел на Приянку.

– Она имеет в виду, что ты – Желтая. Всплеск энергии мог бы вывести из строя двигатель, верно?

Я кивнула.

– Но если кабину тоже изолировали, ничего не выйдет.

Роман на мгновение поджал губы и нахмурился.

– Ты ведь тоже Желтый, – спросила я. – Мне же не померещился твой значок?

Пусть я не понимала, что происходило, и эта парочка доверия тоже не вызывала, встретить такого же, как я, воспринималось мной как невероятная удача. И это объясняло, почему я чувствую слабое интуитивное притяжение к нему даже сейчас. «Пси», классифицированные как Желтые, когда настраивались на одну электрическую цепь, соединялись друг с другом, – одна вспышка энергии перекликалась с другой.

Иногда это недолгое ощущение служило единственным утешением, напоминавшим мне, что я не одна.

– Не померещился, – ответил он, – но ты, похоже, лучше контролируешь свою силу, а я не знаю, насколько смогу быть полезен. Как ты хочешь действовать дальше?

Я потерла ладонями лицо. Контроль – это самое главное: можно остановить двигатель, а можно взорвать его вместе со всеми нами.

– Я смогу разобраться с двигателем. Главное воспользоваться эффектом неожиданности. Один из вас откроет дверь, другой возьмет на себя солдат, которые захотят узнать, в чем же дело.

Роман кивнул, и его взгляд стал более сосредоточенным, острым.

– Я с ними разберусь – они даже из кабины не выберутся. Приянка откроет дверь. Это всех устраивает?

Зачем-то подбросив нож, Роман поймал его за острие и ручкой вперед передал мне. Забирая его, я не сразу заметила, что парень уже склонился над мертвецом, снимая его пояс.

С кобурой, в которой был пистолет.

Черт. Почему я не схватила его сама, как только парень перерезал цепочку.

– Может, я что *еще* сделаю? – поинтересовалась Приянка. – Так я, пожалуй, усну, пока вы, ребята, нас спасаете?

Роман встревоженно посмотрел в ее сторону.

– Сейчас этого достаточно. Не погоняй лошадей.

Девушка прищурилась, и парень раздраженно крякнул.

– Как это будет по-английски? – спросил он.

– «К чему такая спешка», – ответила она. – Или «придержи коней». Но твой вариант мне тоже нравится. Напоминает о мамушке России.

Я оказалась права. Его родным языком был не английский.

Роман кивнул.

– Я только хотел сказать, что нам нужно быть осторожнее и не перестараться.

– Ладно, но есть возражение: как вообще можно «перестараться», если речь идет о таких ублюдках, как эти? – уточнила Приянка. – И вообще это отличный шанс отправить сообщение тем, кто их послал! Устроил это шоу!

– Нам просто нужно выбраться отсюда живыми. – В его голосе послышались нотки мольбы.

– И выяснить, кто отдал этот приказ, – добавила я, наблюдая за их реакцией. Ноль эмоций. Пустышка.

– Ненавижу этот проникновенный взгляд, – с явным разочарованием проворчала Приянка. – Мне сразу хочется вернуть себя наизнанку.

– При.

– Ладно, – смилостивилась она. – Я открою дверь – но я хочу получить этот нож, когда она со всеми разберется.

Мое сердце еще раз гулко бухнуло. Я крепче стиснула нож.

– Погоди...

– Господи, а теперь-то что не так?! – взвилась Приянка.

«Вообще-то, все», – подумала я. Похоже, я могу остаться без оружия, но уж точно не беззащитной. У меня всегда есть моя сила.

– Все нормально. Не бери в голову.

Пока мы обменивались репликами, Роман уже занял по-

зицию в передней части кузова и с задумчиво-печальным видом разглядывал пистолет в своей руке.

Будто почувствовав мой взгляд, парень посмотрел на меня. Я быстро опустилась на колени на резиновую подстилку и принялась пилить толстое покрытие, пока не прорезала его насквозь, и лезвие не заскребло по металлическому дну кузова.

Энергия двигателя пульсировала во мне, напряжение посылало молнии, от которых вскипала кровь.

Роман проверил магазин пистолета и нахмурился еще сильнее.

– Сколько у тебя патронов? – спросила Приянка.

– Три. – Он подошел к стенке, отделявшей нас от кабины, и прижался к ней ухом. – Ты уверена, что слышала два голоса?

– Тот мужик задал вопрос, и в ответ прозвучали два голоса, – честно ответила я. – Вот и все, что я слышала.

Роман кивнул.

– Готовы? – спросила я.

Парень забрал у меня нож и срезал кусок резинового покрытия со стены.

Выбраться, установить, кто это был, и отвалить как можно дальше отсюда. С этой последней мыслью я позволила своему сознанию слиться с двигателем. Его электрическая сеть была настолько мощной, что можно было бы все нафиг взорвать.

Я устроилась на резиновой подстилке.

– Полная готовность. Начинаем представление? Поехали?

– Готов, – кивнул парень. – Как только выберемся, двинемся на запад. И, что бы ни случилось, не останавливаемся.

– А если мы разделимся? – подначила его Приянка.

– Скорее замерзнет ад, – прозвучал короткий ответ.

– Не сходи с резины, – предупредила я девушку. – Просто на всякий случай.

Приянка отправила мне нечитаемый взгляд и, перешагнув через мертвеца, забрала у Романа нож.

Перед глазами вспыхнуло лицо Защитника и то, как задергалось его тело, когда я пропустила через него заряд.

– Просто на всякий случай, – повторила я и, сообразив, что ждут только меня, прижала кончики пальцев к неровной поверхности пола, снова отыскивая эту мощную связь. – Скажите, когда.

Приянка встала у двери, в одной руке – нож, другая – на задвижке кузова. Краем глаза я заметила, как она кивнула.

Еще мгновение, и...

– Сейчас! – выкрикнул Роман.

Нырнув в ослепительно-белую силу, которая текла сквозь мое сознание, я призывала ее, вытягивала, возвращала в десятикратном размере, пока двигатель, громко лязгнув, не замер. Грузовик вильнул влево, правый ряд колес оторвался от дороги, когда водитель попытался справиться с управлением.

Роман прижался спиной к боковой стенке кузова и дважды выстрелил в стену, которая отделяла нас от кабины.

Колеса заблокировались, и машину занесло в противоположном направлении.

– Вот ч... – Возглас Приянки оборвался, когда ее швырнуло на дверь.

Кузов трясло и раскачивало, вверх и вниз, из стороны в сторону. Я отпустила электрическую цепь, разрывая с ней связь. Остатки этой силы погладили меня по спине, прокатившись по телу с негромким урчанием.

Грузовик содрогнулся в последний раз, так размазав нас по стенкам, что захрустели кости, потом приземлился на все четыре колеса и медленно покатился вперед, постепенно затормаживая. Роман, подняв брови, посмотрел на меня, и я вернула ему взгляд.

– Что ж, полагаю, это было чертовски веселое развлечение. – Приянка потянулась, щелкнув суставами, и распахнула створки кузова. Из-за ее спины лился сумрачный свет, просматривался пейзаж из плоских зеленых полей и, похоже, ничего больше.

– Валим, пока не...

Я почувствовала это на секунду раньше остальных: проскочила искра, и двигатель завелся снова. Грузовик внезапно рванулся вперед, и Приянка выпала наружу.

– Нет!

Крик Романа потерялся в граде выстрелов, которые раз-

рывали стену – стреляли из кабины. Пули звякали по обнаженному металлу, с ревом прорывали резину. Воздух наполнился черной металлической пылью и мелкими осколками, запах горячей резины не давал дышать.

Приянка схватилась за металлический край кузова, изо всех сил работая ногами, будто пытаясь догнать грузовик, скорость которого нарастала. Набрав воздуха в легкие, она закинула локти на край кузова, дотянувшись одной рукой до поручня на створке двери. Послышался механический скрежет, и грузовик резко вильнул влево, снова отбрасывая ее назад.

Патроны свистели и визжали вокруг моей головы, и я видела, как девушку затягивает под грузовик, пока не остались видны лишь побелевшие костяшки пальцев.

Но ее вовсе не затягивало, вдруг догадалась я. Она использовала оставшиеся силы, чтобы удерживать себя между обжигающе горячим металлом осей и ходовой части и поверхностью дороги.

– Останови машину! – рявкнул Роман, бросившись плашмя на живот, когда новый залп веером прошел стену. Он развернулся, пытаясь через эти дырки прицелиться в того, кто оставался в кабине, укрываясь за телами застреленных напарников.

Трое. Их там было трое, а не двое.

Еще один патрон.

– Я не могу! – крикнула я. – Я и ее поджарю!

Я подползла к краю кузова. Приянка умудрилась поднять ноги и уцепиться за что-то стопами. Я видела лишь ее пальцы и макушку. Дорога неслась под ней, готовая разорвать девушку на части.

Приянка посмотрела на что-то у меня за спиной и побледнела. Зрачки ее расширились, она делала рваные вдохи и выдохи, экономя силы.

Со стороны кабины прогремел еще один выстрел, и шум колес, словно запнувшись, начал стихать.

– Хватай меня за руку! – крикнула я, потянувшись к ней. – Приянка!

Похоже, она меня даже не слышала, как почти не слышала себя я сама за гулом дороги, звуками орущего в кабине радио, ревом пульса в ушах.

– Приянка!

Я дотянулась до ее рук как раз в тот момент, когда девушка разжала пальцы, и темная неровная дорога поглотила ее.

Глава восьмая

Я закричала.

Стоя на краю прицепа, я видела, как Приянка шлепнулась на дорогу, успев откатиться в сторону и увернуться от огромных колес, которые все еще несли грузовик вперед. Ее безвольное тело кувыркалось по асфальту. Когда девушка наконец замерла неподвижно, я даже не могла понять, дышит ли она.

«Вставай! – мысленно просила я. – Вставай!»

Приянка не шевелилась. Она не двигалась. Она...

– Сузуми! – распластавшись по полу, Роман подполз ко мне и тряхнул за плечо. Стрельба прекратилась, и парень воспользовался этим затишьем. – Нам нужно сделать это снова!

Звук собственного имени и прикосновение заставили меня очнуться и начать действовать. Я кивнула и вернулась обратно к дыре в резиновой подстилке. Грузовик снова тряхнуло, но парень успел меня удержать.

Мы встретились взглядами и одновременно склонились над металлом. И за мгновение до того, как наши руки дотронулись до кузова, я ощутила, как сила Романа соединилась с моей.

На этот раз мы не просто остановили двигатель – мы расплавили его, превратив в месиво жидкой стали.

Грузовик затормозил так резко, что его смяло. Задние колеса оторвались от земли, Романа швырнуло в одну стену, а меня – в другую. Обжигающее чувство того, что мы связаны, исчезло, напомнив о себе последней вспышкой.

Наконец машина, дернувшись, замерла неподвижно. Роман с усилием выпрямился. Я моргнула несколько раз, поднялась на дрожащих ногах и спрыгнула на дорогу.

Спотыкаясь, я заторопилась к Приянке и с облегчением увидела, что и она, хромая, бежит в нашу сторону. Царапины и ссадины покрывали ее руки, плечи и ноги.

– Ты в по... – закричала я.

– Он, что, там один?! – завопила она в ответ и, доковыляв до меня, схватила за локоть и потащила назад к грузовику.

Где уже нас подждал *третий* в таком же черном штурмовом снаряжении. Он стоял возле кабины, у водительской двери, и держал нас на прицеле. От ярости его лицо побагровело.

Сделав шаг ему навстречу, Приянка сжала кулаки. Она словно забыла о том, что была безоружной – нож остался лежать где-то на дороге, что голова была разбита, и по лбу текла кровь. Что ладони и костяшки были покрыты глубокими царапинами. Как она вообще держалась на ногах?

– Хрен вам! Даже не пытайтесь, – предупредил мужчина, скосив глаза в сторону кузова: – Андерс? Андерс, доложи обстановку!

Тело Андерса выкатилось из темного нутра грузовика и

шмякнулось на дорогу. Потом на свет вышел Роман, наставив ствол на третьего похитителя.

Один патрон.

– Хочешь рискнуть? И не боишься, сопляк?! – рявкнул мужчина, уставившись на парня. – А вы мне все и не нужны! Мне кого сейчас пристрелить – чтобы ты всю жизнь мучил-ся? Ее? – Он перевел пистолет с Приянки на меня. – Что-то в ней такое есть.

– Застрели его! – выкрикнула Приянка, когда мужчина осторожными шагами двинулся в нашу сторону – словно перед ним была бомба замедленного действия. Обойдя нас сзади, он схватил меня за шею. От его бронежилета исходили волны жара, похититель тяжело и хрипло дышал, брызгая слюной.

Роман переступил с ноги на ногу, однако пистолет даже не дрогнул в его руках. Его взгляд метался между нами, а уголок рта подергивался. И я видела, что ручеек пота стекает по его виску, по его плоским скулам, капает с подбородка.

Позвоночником я ощутила холодный поцелуй ствола.

«Падай! – вспыхнуло в моей голове. Я пыталась вспомнить прием, который много лет назад показала мне Вайда. – Застань его врасплох».

И в этот момент он тебя и пристрелит. Я чувствовала, как дрожит рука похитителя. Неужели он так напуган? Или настолько взбешен?

– Отпусти их обоих, – проговорил Роман. Голос его звучал

спокойно, убедительно. – Даю тебе последний шанс. Тебе не обязательно умирать.

Я видела только его лицо, остальной мир вокруг расплылся. Напряженные складки у его рта. Неприкрытая мольба в глазах. «Не делай этого. Не заставляй меня этого делать».

– Я просто пошутил. – И мужчина прицелился в Приянку. – Босс сказал, что я могу застрелить...

Пуля угодила прямо под край шлема, в правый глаз. Брызги крови, разлетевшись во все стороны, попали мне прямо в лицо и на волосы. Ошеломленная, я застыла.

Роман перевел на меня глаза, полные ужаса, потом вдруг качнулся вперед и рухнул на асфальт.

– Боже! – воскликнула я, срываясь с места. – Что случилось?

– Роман? – Приянка подхватила парня за плечи, поддерживая его голову. – Роман, слышишь меня?

– Его ранили? – Я заставила себя остановиться, не подходя к ним ближе.

– Он в порядке, – быстро сказала девушка, но в ее голосе слышалось напряжение. – Просто потерял сознание. У него... от стресса у него случаются приступы мигрени. И его вырубает.

В зеркале заднего вида блеснуло солнце. Мой мозг не поспевал за ногами, которые уже несли меня прямо к машине.

– Куда ты, черт возьми?! – крикнула Приянка.

Но я уже забралась на подножку, рывком распахнула тя-

желую дверь кабины, и на меня тут же рухнуло тело одного из тех, кого застрелил Роман. Трясущимися руками я пыталась запихнуть мужчину обратно. Пуля попала в него сзади и вышла через шею.

Наконец-то мне удалось затолкать его на сиденье – солдат сполз вперед и уперся головой в приборную панель, словно заснул.

Руки мои были в крови, легкие наполнились удушающим смрадом – так пахнет смерть. Заставляя себя делать неглубокие, короткие вздохи, я обшарила приборную панель, ящики, пол в поисках каких-нибудь документов.

«Телефон», – вспомнила я. У того, которого я поджарила, был телефон. Наверняка есть и у других. Даже если это одноразовая трубка, из нее можно будет извлечь информацию о контактах, звонках. Бинго! Я нашла его – тонкий смартфон, спрятанный под пуленепробиваемым жилетом одного из убитых.

Защищен паролем. Конечно. И сети нет. Корпус и экран покрыты кровью того солдата. Но для того, чтобы сделать снимок, пароль и не нужен. Скользя пальцем по потрескавшемуся стеклу, я включила камеру.

Я быстро сфотографировала всех похитителей, сделав по несколько снимков с разных ракурсов. ООН располагала гигантской базой данных, а также системой распознавания лиц. Должно получиться. Вот только удастся ли мне оторваться от этих двоих, чтобы отослать эти сведения прави-

тельство.

– Я еще раз спрашиваю: чем ты тут, блин, занимаешься?
Вздрагнув, я обернулась.

Приянка смотрела на меня снизу вверх, в руке зажат пистолет – забрала у того третьего солдата, или кем он там был.

– Я... улики. – Я показала ей на мобильник. – Слушай, я думаю, нам нужно разделиться. Пора разбежаться, чтобы нас не отследили...

– Мне *нужна* твоя помощь, – нервно перебила меня Приянка. – Я не смогу одна его донести. Далекое не смогу. Не смогу. Я не... у меня не хватит сил. Мне нужна помощь.

Я старалась не смотреть на ствол у нее в руке, думая о том, что не смогу отказаться. Если я перестану притворяться, что все нормально, как поведут себя они? И я даже не знаю, чего хотят эти двое. И как она отреагирует, на что пойдет, чтобы заставить меня остаться.

Мне просто нужно добраться до Вашингтона, не потеряв этот телефон. А если я откажусь, что она сделает, чтобы меня удержать?...

– Ты вообще понимаешь, каково мне просить о помощи? – тяжело дыша, проговорила Приянка. Мощный выброс адреналина, который позволил ей продержаться так долго, постепенно ослабевал. Ее ноги, все в синяках и ссадинах, теперь дрожали, выдавая, каких усилий ей стоит не вырубиться самой. – Думаешь, я бы стала просить, если бы не оказалась в безнадежной ситуации, и выхода у меня нет?

Я сглотнула. Сейчас единственная цель – выжить. У меня еще будет шанс сбежать от них. У меня все получится.

– Давай, – сказала Приянка, протягивая мне руку, исцарапанную, в кровоподтеках. – Я возьму телефон.

– Мне он не мешает. – Я сжала трубку в ладони.

– У меня есть карманы, – возразила девушка, и ее голос был таким же непреклонным, как и взгляд. – Я себе не прощу, если ты его потеряешь.

У нее был пистолет. И, пересилив себя, я медленно вложила телефон в ее ладонь и увидела, как Приянка спрятала его в свою изорванную джинсовую куртку.

Я спустилась на землю, ощущая себя так, будто из меня выкачали все силы, и мы побежали к Роману, который распластался на земле.

– Давай убираться отсюда, пока не подросла группа поддержки, – буркнула Приянка, опускаясь на колени и подставляя плечо под руку Романа. Я сделала то же самое.

– И куда же? – спросила я, осматривая бескрайние просторы по обеим сторонам дороги.

В ответ нам качнулась высокая трава, встревоженная легким ветерком. На много миль на запад, на восток, на север и на юг не было ничего, кроме прерии и чистого неба.

Ничего, кроме нас.

Глава девятая

Темная полоса асфальта бесконечно тянулась к далекому горизонту, тонувшему в ночном небе. Казалось, будто я гонюсь за луной, но она постоянно ускользает от света фар.

Мы наехали на выбоину. Видавший виды грузовик содрогнулся, и мы подскочили на сиденье. Приянка, которая дремала, уперевшись лбом о стекло, ударилась в него головой. Выругавшись себе под нос, через несколько секунд она уже снова отключилась.

Мои глаза скользнули к оттопырившемуся карману ее джинсовки. Мельком взглянув на дорогу, я опять уставилась на этот карман. Прикусив нижнюю губу, я осторожно перегнулась через сидевшего между нами Романа, стараясь не коснуться его груди, которая едва заметно поднималась и опускалась, и потянулась к ее куртке.

Отобрав телефон, остановить машину так, чтобы они не проснулись, бежать отсюда изо всех сил.

Но вот только Приянка заворочалась и повернулась ко мне спиной. И теперь, даже отстегнув ремень безопасности, я никак не смогла бы добраться до телефона, не задев парня.

– Черт, – выдохнула я и снова сконцентрировалась на дороге. Мои руки так крепко вцепились в руль, что его древняя кожаная оплетка расползлась под моими пальцами.

Несколько часов мы тащили потерявшего сознание Рома-

на. Дикие травы сменились кукурузными полями, которые привели нас к заброшенной ферме. Рядом с ней погребенный под рухнувшей крышей амбара стоял древний грузовик. Используя остатки энергии из генератора, который стоял в доме, я смогла завести двигатель.

Этому ретромобилю было самое место на свалке, к тому же индикатор топлива не работал, так что оставалось только гадать, сколько бензина осталось в баке. Но Лиаму бы это понравилось. Он бы сказал, что это «настоящая классика» и назвал бы эту рухлядь в честь какой-нибудь старой рок-композиции.

Может... он станет вторым человеком, которому я позволю, после того как скажу Толстяку, где нахожусь и что со мной все в порядке. Если номер, который у меня есть, все еще действует.

Я покрутила ручку, чтобы опустить стекло, надеясь, что свежий летний воздух не даст усталости затуманить мои мозги. Рано или поздно мы доберемся до какого-нибудь жилья, мотеля или хотя бы заправки. Главное сейчас не уснуть.

Сколько я уже провела без пищи и воды? И без сна – часы, когда меня вырубил наркотиком, не в счет. Может, поэтому Приянка не потребовала пустить ее за руль – наверняка решила, что я все равно съеду с трассы и тоже усну.

Я снова посмотрела на Приянку. Пистолет лежал у нее на коленях, но даже во сне девушка придерживала его рукой. Странно, что найденный телефон не находил сеть – ли-

бо здесь не было сотовых вышек, либо кто-то, заподозрив неладное, успел отключить номера. Да и какая разница. Я попробовала дотянуться своей силой до остатков заряда в его батарее, но аккумулятор тоже сдох.

«Не спи, – думала я. – Просто не спи».

Мне ужасно хотелось кофе. Но у меня было только радио.

Сначала сигнал то и дело прерывался и терялся. Но с каждым километром он становился сильнее, и это давало мне надежду, что мы вот-вот доберемся до цивилизации. И пусть приемник был настроен на единственную ретростанцию, по крайней мере, мне было чем заняться. Любимым способом Лиама прогнать сон было пение.

Я шепотом подпевала *REO Speedwagon*², но голова казалась тяжелой, будто весила сотни килограммов, и я изрядно фальшивила.

– Я никогда раньше не слышал эту песню.

Грузовик вильнул в сторону, выкатившись на соседнюю полосу. Сердце чуть не выскочило из груди, заколотилось о ребра.

– Господи!

– Прости, – хрипло сказал Роман. – Я должен был...

– Ладно, – перебила его я, глубоко вздохнув и выкручивая руль обратно. – Все в порядке. – Сна уже не было ни в одном глазу, а увидев, какое расстроенное лицо у парня, я

² REO Speedwagon – американская рок-группа, созданная в 1967 г. и получившая свое название в честь одноименной модели легкого грузовика.

даже смутилась и от этого рассердилась еще больше. – Ты пришел в себя.

«К чему вся эта забота? – подумала я, снова уставившись на дорогу. – Не надо уж так притворяться».

– Где мы? – спросил он, потирая лоб, потом повернулся к Приянке, которая даже не шелохнулась.

– Без понятия, – отозвалась я, усаживаясь поудобнее. – Я просто еду, пока мы не доберемся куда-нибудь, откуда я смогу позвонить.

– Как долго я был без сознания? – прозвучал новый вопрос.

– Несколько часов. Я даже начала сомневаться, проснешься ли ты вообще.

Роман негромко выругался – этот ответ явно его не устроил.

– Часов?

– Да, несколько часов. Приянка рассказала о твоих приступах, – пояснила я. – О том, что они случаются из-за стресса. Это правда?

– Это как молотом по голове – вырубаетесь сразу на час или около того. – Роман с силой потер ладонями лицо. – А что еще Приянка тебе сказала? – обреченным тоном поинтересовался он.

Похоже, то, что он мог сейчас услышать, его заранее напугало. Конечно. Может, он вообще из тех, из кого ответы приходится выбивать?

– О ваших связях с «Псионным кругом», – проговорила я, наблюдая за его реакцией. – И о том, что вы сумели с ними порвать и «начать все с чистого листа» – потому и оказались на этой встрече.

– «Псионный круг»? – Роман откинул голову на спинку сиденья, лицо исказила напряженная гримаса. – Тогда она рассказала тебе слишком много, – заметил он, покосившись на свою подругу.

– Почему? – непринужденным тоном спросила я. – Или это что-то вроде: «я скажу тебе больше, но мне придется тебя убить»?

– Да, – просто сказал он. – Чем больше ты знаешь, тем опаснее для тебя. Тем более что ты работаешь на правительство и потому рискуешь больше.

– Потому что у них есть шпионы в наших рядах? – усмехнулась я, стараясь не обращать внимания на холодные мурашки, побежавшие по затылку.

– Нет, потому что ты можешь сообщить о том, что мы с ними связаны, и тогда нас вызовут на допрос.

Потрясенная, я взглянула на Романа.

– Я не стану этого делать.

– Почему же? – спросил он, уставившись на дорогу. – Не важно, что думаешь ты сама, – это же твой долг. Твоя ответственность.

Не знаю, что больше меня задело.

– Я могу работать на правительство и при этом оказывать

неофициальную помощь тем, кому она нужна. Если вы действительно хотели начать новую жизнь и оставить прошлое в прошлом, у меня нет причин что-то кому-то сообщать.

Конечно, это было не так. Правительство уже несколько лет пыталось выйти на «Псионный круг». Располагать такой ценной информацией и никому ничего не сказать?... И как я это выдержу? Наверняка будут моменты, когда мне до смерти захочется это сделать.

Но на деле важно было лишь одно: есть ли в этой истории хотя бы крупица правды. Каждый наш разговор наводил меня на мысль, что это лишь удобное прикрытие. Тем более что и сейчас Роман продолжал отмалчиваться.

– Прости, – сказал он тихо. – Прости меня, пожалуйста. Я не знаю, что еще сказать – только поблагодарить за все.

– Не за что благодарить. – Я отвела глаза. Боль обладает собственным притяжением. Его слова были наполнены болью, и я уже ощутила ее силу. – Ничего такого я не сделала.

– Ты не бросила Приянку, – возразил Роман. – Ты помогла ей.

«Помогла»... Можно подумать, у меня был выбор. Но даже если все остальное не более чем ложь, мне показалось, что сейчас он говорил искренне.

– Я виноват, но я все исправлю, – пообещал парень, и его голос зазвучал ниже и глубже. – Я этого не забуду. И я никогда не подведу тебя снова.

В этих словах было столько чувства, что я наконец по-

смотрела на него. Роман пристально наблюдал за мной, его лицо выражало целый калейдоскоп с трудом сдерживаемых эмоций.

– Ты ничего не мог сделать, – сказала я, чувствуя, что моя кожа снова становится горячей. Он смотрел на меня, как...

Как ничто.

Как лжец.

Я отвернулась.

– Все в порядке. Правда. Ничего такого не произошло.

– Как раз произошло, – быстро возразил он. – И для меня это очень важно. И ничего важнее сейчас нет.

Я уже не знала, как реагировать. Странно, что мне вдруг захотелось ответить. Смущаясь, я чувствовала себя мягкой и уязвимой, пора бы отрастить парочку шипов.

– Мы с Приянкой... Мы... – Роман безуспешно пытался найти нужные слова.

– ...у вас совсем никого нет, кроме вас двоих, – закончила я за него. – Об этом она мне тоже рассказала.

Парень покачал головой, запустив пятерню в свои каштановые густые волосы.

– Что? Это неправда? – Я подтолкнула его продолжить.

– Ну, в общем да, – признался Роман, потирая испещренную шрамами ладонь. – Я... потерял сестру. Сначала мы с ней потеряли мать, а потом я потерял и ее тоже. Я заботился о ней, но все оказалось напрасно. У мужчины, который нас вырастил, было сердце змеи, и я не смог уберечь от него

сестру. Моей семьи больше нет – я не смог ничего сохранить.

Я попыталась сглотнуть комок, застрявший в моем горле.

– Мне жаль.

– Скорее всего, ты даже не поймешь... Ты не бросила Приянку, и для меня это правда значит очень много. В этом ты можешь мне поверить.

– Я понимаю. – Слова сорвались с языка. – Возможно, лучше, чем ты думаешь.

Мне тоже не удалось сохранить свою семью.

Может, это и был хорошо разыгранный спектакль, часть глобального плана – привлечь меня на их сторону с помощью тонко просчитанной эмоциональной манипуляции. Но я сразу же отбросила эту мысль. Я видела их настоящих, когда ситуация выходила из-под контроля, и они оба сбрасывали маски. Эти крошечные проблески их настоящей сущности, которая пробивалась наружу – двое подростков, которые до последнего дрались друг за друга – заставили меня поверить, что они не хотят мне навредить. Во всяком случае я надеялась на это.

Погруженная в свои размышления, я не сразу заметила, что наше молчание затянулось.

Впервые за долгое время я наслаждалась этим состоянием. Я не должна была утешать кого-то или убеждать. Успокаивать или ободрять. Грузовик мчался вперед, а я позволила себе отключиться от этой действительности, чтобы сно-

ва собраться, чтобы снова поверить в свои силы и вздохнуть полной грудью.

Но я не ожидала, что и Роман, похоже, так же нуждается в этом.

Многие боятся тишины. Они готовы на все, чтобы ее заполнить: болтают всякий вздор, задают бессмысленные вопросы, просто чтобы услышать ответ. А есть и такие, кто воспринимает тишину как личную неудачу: как доказательство того, что они никому не интересны или что их отношения с другими недостаточно крепкие. А может, просто боятся того, что узнают о самих себе, оставшись с собой наедине.

– Хочешь передохнуть? – тихо спросил парень, заметив мой взгляд.

– Нет, я в порядке, – быстро сказала я.

За руль я никого из них точно не пущу. Пусть хотя бы контроль за нашим передвижением остается в моих руках.

Я уже приготовилась услышать, как он начнет спорить со мной, убеждать, что он отдохнул, а я устала, но Роман просто кивнул – поверил.

– Почему ты перестала петь? – спросил он.

– Да я просто пыталась не... отвлечься от разных мыслей, – сказала я. – И песен я знаю мало, тем более современных.

– Я тоже. – Парень выглядел так, будто мои слова его порадовали.

Ладно. Сделаю вид, что купилась. По крайней мере, наш

разговор прогонит сон, и я смогу оставаться настороже.

– Что ты обычно слушаешь? Или ты обычно вообще не слушаешь музыку?

Размышляя, Роман легонько постукивал кулаком по подбородку.

– Ну... Приянка говорит, что у меня устаревший вкус. Мне нравится классика. То, что было написано давно. Никак не могу вспомнить название.

– Классику в смысле симфоническую музыку или джазовую?

– Точно, джаз! – воскликнул парень, и его лицо осветилось. – Синатра, Билли Холидэй, Нина Симон... Я слушаю их, и это помогает мне учить английский. В доме, где я вырос, другой музыки не было. А еще я их люблю за простоту.

Я выгнула бровь.

– В каком смысле?

– Я сейчас не об исполнении. Их голоса такие глубокие и звук потрясающий, да? – медленно объяснял он. – Но содержание песен такое понятное: они поют о том, что любят, о чем скучают, о том, что не хотят прощаться. Когда я их слушаю, мне хочется, чтобы в жизни было все так же, как и в песнях.

И вдруг Роман прямо-таки подскочил на сиденье, а я принялась вглядываться в ночной пейзаж, пытаюсь увидеть, на что же он так отреагировал.

– Что случилось?! – заволновалась я. – В чем дело?

– Эту я знаю, – ответил парень, делая громче звук.

Так вот он о чем?!

– Быть такого не может, – недоверчиво сказала я.

Роман поднял палец в ожидании, когда начнется припев, и тут же начал подпевать.

Его голос отдавал хрипотцой, но все же был красивым и глубоким. Роман пел уверенно и чисто. И это было так не похоже на того Романа, которого я успела немного узнать. Потрясенная этой метаморфозой, я не сразу разобрала, что именно он поет.

– *Come on, Eileen, I swear what it means*, – негромко, чтобы не разбудить Приянку, распевал он. – *In this moment you need everything / You are the best / Oh, I swear you are the best / Stop your hurting / Come on, Eileen.*³

Я издала нервный смешок. Парень был настолько доволен собой, что я не сразу решилась опустить его на землю:

– Там другие слова⁴. О чем, по-твоему, эта песня?

Роман сосредоточился.

– Она разочарована, а он пытается ободрить ее. Придать ей смелости.

³ Давай же, Эйлин, я знаю, что это значит... сейчас тебе нужно все / Ты лучше всех / О, я клянусь, ты лучше всех / Не нужно страдать / Давай же, Эйлин.

⁴ На самом деле в припеве группа Dexys Midnight Runners поет в припеве следующие слова, которые Роман неверно расслышал: *Come on Eileen, oh I swear (what he means) / At this moment, you mean everything / You in that dress, my thoughts confess / Verge on dirty* Давай же, Эйлин, клянусь (о чем это он) / Сейчас ты все для меня / Ты в этом платье, и я признаюсь, что мои мысли / На грани приличий.

– На самом деле он пытается убедить ее с ним встречаться, – пояснила я. – Иначе говоря, он к ней клеится.

– Не может быть! – возмутился Роман. – Правда, что ли?

– Именно, – подтвердила я.

Парень наклонил голову, вслушиваясь в следующий куплет. После чего выключил приемник и задумался.

– Моя версия мне нравится больше, – объяснил он, немного помолчав.

– Вообще-то, – задумалась я, – мне тоже кажется, что твоя версия лучше.

Роман пожал плечами и принялся снова смотреть на дорогу, и я тоже уставилась в лобовое стекло. В кабине снова воцарилась тишина, но по мере того, как километр за километром исчезали в зеркале заднего вида, вместе с ними испарялось и ощущение легкости. Холодное, пугающее понимание охватывало меня.

Проклятье.

Я просто... допустила оплошность. Роман казался таким искренним, а я настолько устала, что на какой-то момент повелась. Мне хотелось думать, что все это лишь для того, чтобы они оба мне поверили. Поверили в то, что я поверила им. Только кого я сейчас обманываю? Себя.

Мне нужно было помнить только об одном.

Это невозможно, это никогда не станет правдой.

Глава десятая

Было еще темно, когда мы заметили вдалеке вывеску мотеля, на которой горела надпись «СВОБОДНО», озаряя небо фиолетовым свечением. И в голове сразу замелькали обрывки тяжелых воспоминаний о моих скитаниях, о заброшенных местах, где мы находили укрытие, о похожих мотелях.

– Телефонная линия! – воскликнула я, ткнув пальцем на тянущиеся к зданию провода, и торжествующе добавила: – Наконец-то я смогу позвонить.

Оставалось лишь выяснить, попытаются ли эти двое меня остановить и что станут делать, когда у них ничего не выйдет.

И в этот момент прозвучало:

– Притормози-ка здесь на секунду.

Я снизила скорость, но на обочину съезжать не стала.

Задумчиво нахмурившись, Роман изучал пространство вокруг мотеля.

– Я тут подумал... может, нам лучше дальше пойти пешком. И не регистрироваться.

– Иными словами: взломать замок в пустую комнату, чтобы в ней переночевать?

– Нас могут выдать, – объяснил он. – Что если нас сумели отследить, и здесь уже побывали похитители, а сотрудники мотеля подкуплены и сразу сообщат, как только мы появим-

ся.

– Но даже если не все так страшно, – добавила Приянка, – у нас такой вид, будто мы стали свидетелями массового убийства, так что лучше проявить некоторую осторожность. Тем более что управляющий отеля, скорее всего, вооружен.

Я посмотрела на свою блузку и вздрогнула, увидев на ней следы крови.

– Точно, – согласился Роман.

– Тогда давайте я пойду первой, – предложила девушка. – Я осмотрюсь, выясню, какие помещения открыты, но буду действовать осторожно.

– Почему бы вам обоим туда не отправиться? – невинно предложила я. – Или пойду я, а вы останетесь в машине.

– Или Роман пойдет, – продолжила Приянка. – Или ты и Роман. Большое спасибо, что изложила нам все возможные решения.

– Это не все, – добавил Роман. – Не исключено, что никто из нас не пойдет или пойдут все трое. Что? Разве я не прав? – Он повернулся к Приянке, которая буравила его взглядом.

– Это должна быть я. – Сдерживаться удавалось с трудом. Мне нужно было быстрее оказаться внутри, пока эти двое не придумали оправдание, почему мы не сможем здесь задержаться. – Я войду, позвоню и вернусь – никто не заметит.

– Ты самая узнаваемая из нас, – возразила Приянка. – Кто-то точно заметит.

– Никто ничего не заметит, – не уступала я, и это было

правдой. Я хорошо научилась оставаться в тени, незаметной, хотя все это осталось в прошлом. – У меня больше опыта, чем у вас.

– Верится с трудом, – хмыкнула Приянка.

Разозлившись, я ударила по тормозам, и этого ей хватило. Я не успела снова нажать на газ, как девушка отстегнула ремень безопасности и выпрыгнула из машины.

– Вам обоим тоже будет чем развлечься: составьте-ка пока список того, что может со мной случиться.

И она побежала, сначала прихрамывая, но постепенно увеличивая темп. Намереваясь подойти к зданию мотеля сзади, девушка нырнула в заросшее травой поле, время от времени замирая за стволами немногочисленных деревьев. Стиснув зубы, я съехала на обочину и остановилась.

Меня трясло от злости, и как бы сильно я ни сжимала руль, справиться с гневом не получалось.

– Да что с тобой? – Роман уставился на меня. – Ты в порядке?

– Нет, – буркнула я, не вдаваясь в подробности.

Прошло двадцать минут, и на краю парковки показалась Приянка. Чем ближе она подходила, тем ярче атели пятна крови у нее на платье и на джинсовой куртке в районе плеча. Кровь была свежей, и, значит, она не случайно прижимала ладонь ко лбу над левой бровью.

Вздыхнув, Роман потянулся вперед, заглушил двигатель и вытащил ключ из замка зажигания. Потом парень распах-

нул пассажирскую дверь, но Приянка не спешила забираться внутрь.

– Одна новость хорошая, одна – плохая! – с фальшивым воодушевлением затараторила она, словно только что не побывала в какой-то переделке. И когда девушка оперлась локтями на сиденье, я заметила, что ее зрачки снова расширились, и ее трясет от болезненного возбуждения.

Увидев это, Роман напрягся всем телом.

– Начни с плохой.

– *Ну-у-у-у* так вот, – начала она. – Только я собралась заглянуть в окно, чтобы понять, свободна ли комната, как этот коротышка управляющий выскочил словно из-под земли. Шпионит небось за всеми. Я не хотела устраивать шум и всех перебудить, поэтому решила сделать невинный вид, и пошла в его кабинет. Так вот оказалось, что он еще и наркотиками приторговывает! В результате мне *пришлось* мужика вырубить, связать его же ремнем, закрыть в туалете рядом с его кабинетом и подпереть дверь.

Кража с нападением. Супер. Представляю, как буду объясняться с Толстяком – это будет весело.

– «Действовать осторожно»... Теперь это так называется? – вздохнул парень.

– Это называется «гражданский арест», – парировала Приянка. – Я просто исполнила свой гражданский долг перед нашей благословенной страной.

– Ты, по крайней мере, вырубил камеры?

– Ты думаешь, в такой дыре установлены камеры? – уставилась на него девушка. – Предлагаю вопрос получше: не вытащила ли я из его кармана все, что было получено преступным путем от продажи наркотиков? Да, я это сделала.

И продемонстрировав небольшой рулон купюр, отпечатанных ООН на тонкой бледно-синей бумаге с металлизированным голографическим узором, она швырнула его Роману, который с обреченным видом поймал его.

– Вряд ли тут много, – сказал он. – Может, хватит на полный бак или на два.

– Шутишь, что ли! – Я взвесила в руке рулон – здесь была тысяча долларов, не меньше. – И мы не сможем оставить их себе... Это... улика.

– Ты когда в последний раз была в магазине? – поинтересовалась Приянка. – Посмотри на цены: меньше чем за сотню ничего не найдешь. Да еще потребуют руку отдать *или* ногу – такое сейчас время.

– Я хожу в магазин... – начала было я и запнулась.

Что я покупала недавно? Шарф – подарок на день рождения Кейт. Мне не приходилось платить за еду, одежду или бензин. Я работала на правительство, и мне предоставляли жилье. И я чувствовала себя *счастливой* и *благодарной*, и вовсе не оторванной от действительности, на что постоянно намекала она.

Практически каждый день я с кем-то встречалась, выслушивала их истории. Всем приходилось несладко, но откры-

вались новые компании, возрождался рынок труда. Да, сейчас за доллар много не купишь, но скоро это изменится.

– ...и покупаю разные вещи, – упавшим голосом закончила я.

– Это грязные деньги? – Роман повернулся к Приянке. – Их можно отследить?

– Есть две версии: либо этот парень работает на корпорацию «Леда» и одновременно подрабатывает управляющим дрянного отеля в этой дыре, либо он тесно связан с сетью, которая действует в этой зоне.

– Сетью? Это ты про преступные группировки? – уточнила я. – У тебя богатая фантазия.

– Ладно, – отмахнулась Приянка. – Хочешь – верь, хочешь – нет. Как по мне, так обе версии годятся: у него там ассортимент лучше, чем во многих аптеках. Как бы то ни было, вы должны быть мне благодарны. Теперь можно вернуть в лоно демократии и справедливости и деньги, и всеобщую любимицу, нашу замечательную «пси», Сузуми. Не стоит благодарности, Америка.

– Умереть как смешно, – сказала я.

– Сама знаю, ясно? – фыркнула девушка. – Но тебе сейчас будет точно не до смеха, потому что телефонная линия в мотеле не работает.

Я вздрогнула, а Роман встревоженно посмотрел в мою сторону.

– Уверена? – спросил он Приянку.

Та пожала плечами.

– Наверное, был ураган или что-то в таком духе.

Конечно. Обжигающе жаркий гнев запылал во мне. Это она вывела телефоны из строя. Они никогда не дадут мне позвонить и позвать на помощь, пока не получат то, чего хотят.

– Можешь сама проверить, – предложила Приянка с невинным видом.

– Так я и сделаю, – ответила я, выбираясь из грузовика.

– Почему у тебя снова идет кровь? – Роман нагнулся, чтобы осмотреть ее лоб, но девушка его отпихнула.

– Успокойся. Я в порядке. Небольшая царапина.

– Он тебя ударил?

Приянка была явно оскорблена таким предположением.

– Нет. Ну то есть он решил со мной подраться... – начала она. – Ему показалось, что он дрался. Типа махал руками. Просто умора.

– Ты опять ударилась головой о дверной косяк, да?

Сияющая на тысячу ватт улыбка Приянки потускнела, но она продолжала оживленно болтать, а жилка на ее горле колотилась быстро-быстро.

– Ладно, скажу: когда этот визжащий маленький тролль выпрыгнул на меня из кустов, я ударилась лбом о стекло.

– Ты вроде собиралась сообщить и хорошую новость? – заметила я.

Приянка сунула руку в полуоторванный карман платья, и на ее указательном пальце повисло кольцо с огромным дере-

вянным брелочком и серебристым ключом.

– Я добыла для нас большую комнату и, надеюсь, не такую дерьмовую, как остальные. Думаю, у нас есть примерно час до того, как придурок наконец очнется, отдерет со своего рта скотч и начнет орать.

О господи.

Роман посмотрел на меня – словно ждал моего согласия, и я неохотно кивнула.

Только в этот раз... подумала я и потащила за ним, все сильнее ощущая, как возвращаюсь назад, в прошлое и снова становлюсь маленькой. Я хорошо помнила, каково это: нарушать закон, становиться невидимой, чтобы тебя не поймали. У меня так сильно тряслись руки, что пришлось прижать их к себе.

Я могу сделать это снова. Только в этот раз.

Только еще один раз.

Когда я поравнялась с Приянкой, моего сознания коснулась знакомая электрическая искра.

Я повернулась к ней, разматывая серебряную нить своей силы, позволяя ей почувствовать контакт.

И я нашла его.

В кармане Приянки рядом с мобильником, который я забрала у похитителя, лежало что-то еще – электрическое, с заряженной батареей.

Девушка махнула в сторону мотеля, показывая нам дорогу, а Роман слегка притормозил, чтобы оказаться позади ме-

ня. Он сопровождал меня, словно пленника, которым я и была.

Но в мягком молочном свете раннего утра я позволила слабой улыбке тронуть мои губы. Я знала, что было источником той искры.

У нее в кармане лежал еще один телефон.

Мой шанс.

Глава одиннадцатая

Сейчас

В машине воняло прогорклым маслом. Она тащилась по шоссе, словно уже выработала свой ресурс. Каждый раз, когда я набирала скорость, двигатель чихал, издавая жалобный вой, а когда я притормаживала, взвизгивали тормоза. Бак был заполнен до отказа, но только потому, что я показала Роману, как пользоваться садовым шлангом, который мы обнаружили в мотеле, и перекачать бензин из другого автомобиля.

Все было до боли знакомо: найти машину, перелить в нее бензин, переставить номера. Я сосредоточилась на этих действиях, только чтобы не думать. Не прокручивать в голове то, что увидела на экране телевизора.

Я убиваю Защитника. Посылаю яркую молнию в сторону аппаратной и колонок, и один за другим раздаются несколько взрывов.

Я надеялась, что кто-то из репортеров снял нападение на камеру. Я точно видела двоих, но они стояли у Защитника за спиной и вряд ли заметили, что тот был вооружен. Вот если бы кто-то из журналистов оказался от меня справа... Но вот

что было странным – и я не могла выкинуть из головы эту мысль: по всем каналам крутили одни и те же кадры. Что же получается? Или это была запись с одной только камеры? Или все камеры снимали с одного-единственного ракурса?

Вернувшись к брошенному грузовику, я сняла с него номера и переставила их на серый «седан» – наше новое средство передвижения. Когда я закончила, Приянка и Роман уже забрались в машину, погрузив в багажник все, что парню удалось вытащить из торгового автомата.

Мы ехали на восток, ориентируясь по компасу на приборной панели. Где-то через час нам наконец-то встретился информационный указатель: Небраска. От места нашего похищения в Пенсильвании нас отделяли сотни километров.

Три дня нас удерживали неизвестные похитители, в то время как власти, ООН, миротворцы, Защитники и местная полиция искали меня. Посылали беспилотники, чтобы осматривать городские улицы и шоссе. Смешивали с грязью в новостях и, как я полагаю, в тех немногих интернет-медиа, которые получили аккредитацию временного правительства.

«Пси», ответственная за гибель семи человек, по-прежнему в розыске.

Еще через час на пути начали попадаться машины, а на горизонте вырастать города. Шоссе становилось все шире. Я чувствовала себя как муравей под стеклом: неспособный двигаться и медленно сгорающий заживо под солнечными лучами.

Я с трудом сглотнула и протянула руку к бутылке с водой, стоявшей в подстаканнике. Роман открутил крышку и передал мне пластиковую емкость. Я выпила ее до дна, но легче не стало.

– Мы собираемся поговорить об этом или сделаем вид, что это не ты – беглая преступница в розыске? – спросила Приянка, растянувшись на заднем сиденье. – Меня устраивают оба варианта, просто хочу убедиться, что мы одинаково смотрим на вещи. К тому же мне скучно.

Я скрипнула зубами.

– Ну если эта ситуация вызывает у тебя исключительно скуку, я только рада.

– Нам нужно обсудить план, – мягко произнес Роман, словно извиняясь, – хотя бы как пересечь границу зоны. Твой друг не подсказал тебе, как добраться... туда, куда мы направляемся?

– Ага, и, кстати, что это был за друг? – вмешалась Приянка. – Тот, из Совета Пси, или... как там звали тех других? Стюарт и... Руби? Правильно?

– Это был Чарльз, – быстро сказала я.

Приянка знала, как зовут Руби. После той бури в СМИ, что поднялась, когда были закрыты лагеря, а сама Руби исчезла с радаров, *все знали*, как ее зовут, а также о том, что ее разыскивает правительство. Так что вопрос прозвучал неслучайно.

Я прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнее. Когда на

одну ложь нанизывается следующая, становится непросто балансировать между враньем и правдой. Моя история была тоже известна многим, как и то, что Лиам и Руби – мои друзья. И естественно было предположить, что все это время я знала, где они скрываются, и могла обратиться за помощью именно к ним.

И все-таки эта мысль холодными пальцами сжала мой затылок. Что же тогда получается? Эти двое специально все подстроили? Чтобы именно это я и сделала? И они просто воспользовались ситуацией, в которой мы оказались?

Проклятье. *А ведь я везу их как раз туда, где они хотят оказаться.*

Передо мной стоял выбор. Либо я отберу у Приянки телефон с фотографиями похитителей, а потом, как только мы окажемся в Вирджинии, сбегу. И не выдам существование безопасного места и не подставлю тех, кто там находится.

Либо... Я смогла бы использовать Убежище, чтобы заманить Романа и Приянку в ловушку, но само место им не показать.

Я прикидывала и тот, и другой вариант еще в мотеле, и от мысли о том, что приведу этих двоих почти к Убежищу, по коже пробегали мурашки. Так что подобный вариант я оставила как запасной. Но теперь все предстало передо мной в ином свете. Если Роман и Приянка почему-то хотят найти Руби и Лиаму, мои друзья не просто захотят об этом узнать – они *должны* узнать об этом.

Проверить все гладко будет непросто, но если не терять бдительности, я смогу сделать так, чтобы риск был минимальным.

Я смогу сделать это. *Смогу*. Меня загнали в угол, но пока так и не поняли, что я уже завела их в другой.

Вскоре на обочине вырос электронный рекламный щит. На экране мелькали помехи – загружалась информация. Наконец показалось изображение – и это была не реклама и не предупреждение о пробках.

Это было мое лицо. Яркое, четкое, огромное – во весь четырехметровый размер экрана. Потом мой портрет сместился к краю, и запульсировали красные буквы:

**ЕСЛИ УВИДИТЕ ЭТУ «ПСИ», ЗВОНИТЕ 911
КРАЙНЕ ОПАСНА!
В КОНТАКТ НЕ ВСТУПАТЬ.**

Моя нога соскользнула на педаль тормоза, и нас бросило вперед. Ехавшая позади машина засигналила и вильнула в сторону, обгоняя нас.

– Хм, – подала голос Приянка. – Похоже, это не лучшая твоя фотография. У тебя такой вид, будто ты хочешь кого-то ударить.

Это был снимок с удостоверения личности, какие выдавались всем «пси». Тогда меня попросили не улыбаться. В результате получилась такая хмурая физиономия, что Вайда сочла ее забавной, распечатала и поставила в рамку.

Сейчас ничего забавного уже не было.

Мы проехали всего ничего, как перед нами вспыхнул еще один рекламный щит: ЕСЛИ УВИДИТЕ ЭТУ «ПСИ»...

Поглощенная своими размышлениями, я не сразу почувствовала появление нового источника энергии, который стремительно нарастал. Электрические вибрации были приглушенными – двигатели машин в потоке издавали гораздо более мощный рев. Однако когда они слились в единый вой, у меня по коже побежали мурашки.

– Сузуми... – окликнул меня Роман.

– Вижу, – сдавленно ответила я.

Машины постепенно сбрасывали скорость, потому что шоссе впереди сузилось до одной полосы. Образовалась пробка. По обе стороны дороги мигали красные и синие огни. Защитники и полицейские переходили от машины к машине, открывая багажники. Над затором медленно барражировали беспилотники, оборудованные камерами и сканерами. Все по последнему слову техники – один из последних подарков ООН.

Решение пришло мгновенно: вильнув на соседнюю полосу, я свернула к ближайшему съезду.

– Этот маневр уж точно не вызовет подозрений, – прокомментировала Приянка, повиснув на поручне.

Съехав с магистрали на обычную дорогу, я нажала на газ и, не остановившись на светофоре, крутанула рулем вправо. Кто-то засигналил, но да и черт с ними! Вот только меня не оставляло ощущение, будто что-то электронное следует за

нами по воздуху.

Выругавшись, я увеличила скорость и резко развернулась, чудом объехав велосипедиста, который как раз начал переходить дорогу. Однако беспилотник по-прежнему болтался в зеркале заднего вида.

– Приянка, разве ты не можешь просто?... – Роман стремительно развернулся на своем сиденье.

– Этим как раз и занимаюсь, – буркнула она.

Я думала, что, разломав телефон, она его выбросила. Оказалось, что нет, и сейчас Приянка вытаскивала его детали из карманов куртки. Быстро собрала аппарат, но не вставляя туда симку, девушка сунула трубку обратно в куртку и вытащила второй телефон. Тот, на котором были снимки.

– Что ты собираешься с ним делать? – резко спросила я.

– Расслабься, – отмахнулась она. – Просто кое-что из него позаимствую, чтобы переделать второй. С твоими фотографиями ничего не сделается.

Мне хотелось вырвать телефон у нее из рук, но девушка уже вынула из аппарата какую-то деталь и вставила в первый.

– Богом клянусь, если ты его испортишь... – начала я, вцепившись в руль.

– Я ничего не испорчу, не считая того беспилотника, – спокойно сказала Приянка. – Телефон будет излучать слабый сигнал, разрушающий связь, и беспилотник не сможет передавать видеосигнал. Так что пока не разрядится аккумулятор, мы всегда будем в «слепой» зоне. Это касается и

камер на шоссе, которые вырубятся на пару секунд, когда мы проедем мимо. – С этими словами она высунулась в заднее стекло и помахала рукой парившему в воздухе черному устройству. – Видишь? Прощай, беспилотничек.

Я свернула к первому же безлюдному торговому центру и с восторгом увидела, как беспилотник отцепился от нас и устремился в обратную сторону. Мы затормозили за зданием химчистки с заколоченными окнами. Поставив машину на ручник, я заглушила двигатель.

А я ведь забыла, что не так давно вдоль шоссе были установлены камеры, которые бы нам обязательно повстречались на пути в Вирджинию. Эти новые меры безопасности должны были снизить уровень контрабанды и преступности. *А еще* камеры были запрограммированы фиксировать такие машины, если те, кто в них находился, намеренно скрывали свои лица. Очень полезная функция... когда следят не за тобой.

– Ты уверена, что мы в безопасности? – Я, конечно, видела, как Зеленые творят чудеса высоких технологий из нескольких проводков и пустой консервной банки, и все равно то, что случилось, было круто, даже по моим меркам.

Приянка с оскорбленным видом прижала руку к груди.

Не знаю, почему я посмотрела на Романа в ожидании подтверждения – парень же был таким же лжецом, как и его подруга. Может, потому что одно я знала точно: они никогда не станут рисковать жизнью и безопасностью друг друга –

если только не вынудят обстоятельства. Им тоже не хотелось засветиться под камерами.

– Это работает, – заверил он меня. – Беспилотник просто сообщит, что произошла техническая ошибка, а камеры на шоссе отключатся, и никаких снимков.

Каждый вздох обжигал мое горло, пульс ускорился. Я наклонилась вперед и уперлась лбом в руль. Зажмурилась и попыталась выбросить из головы свое лицо на рекламном щите. Когда я снова открыла глаза, Приянка держала передо мной пластиковый пакет.

– Надеюсь, тебя не вырвет прямо в салоне. Нам еще вместе ехать.

– Приянка! – процедил Роман.

– Не делай вид, что сам об этом не подумал, – огрызнулась она.

Я оттолкнула ее руку.

– Я... – *Сердита. Растеряна. Напугана.* Слишком много потрясений за несколько дней. Но признаться в этом означало дать им преимущество, так что я сменила тему: – Я в порядке. Как можно было узнать, что искать меня нужно здесь?

– С помощью беспилотников и камер искать можно где угодно... – напомнил мне Роман, приглаживая копну всклокоченных волос. – Думаю, что начали с Пенсильвании и постепенно расширяли зону поиска.

Я заставила себя снова выпрямиться, хотя пульс все еще колотился в ушах.

– Можешь сказать, куда мы направляемся? – спросил парень. – Если автомагистраль сейчас патрулируется, будем выбирать внутренние шоссе.

Нет, так не получится. Во всяком случае, не всегда.

– Вирджиния. Я отвезу нас в безопасное место. За которым не следят.

Место, откуда я смогу отправить Толстяку и Вайде фотографии похитителей, и мы начнем раскручивать весь клубок, который приведет нас к заказчику.

Приянка наклонилась вперед, протиснувшись между сиденьями.

– Идея мне нравится.

Я чувствовала себя отвратительно: было слишком рано раскрывать им даже такое ничтожное количество информации. С другой стороны, так они решат, что я начала им доверять. Кроме того, если у меня появится шанс сбежать, Вирджиния – большой штат. На мои поиски могут уйти годы.

– Итак, нам предстоит пересечь границу зоны, – подытожил Роман. – Как ты собираешься это сделать?

С какой бы стороны мы ни ехали, придется переехать как минимум через один контрольно-пропускной пункт. Сейчас мы находились в Третьей Зоне. Линия Первой Зоны проходила по западной границе Пенсильвании, Западной Вирджинии и Вирджинии, при этом Вирджиния одновременно являлась южной границей Второй Зоны, которая начиналась в Северной Каролине и простиралась до Техаса.

Разделение на зоны имело значение, когда сюда были направлены силы ООН, и это решение принималось преимущественно в административных целях. Так было легче определить локальную потребность в ресурсах, организовать поставку нужных товаров и материалов. А миротворцам было проще контролировать ситуацию на небольших территориях. И вот через несколько месяцев должны состояться настоящие выборы – первые за пять лет, и отмена деления на зоны, вероятно, станет одним из важнейших решений, за которое проголосует вновь избранный Конгресс.

Но сейчас невозможно проехать из одной зоны в другую незамеченным. Все подъездные дороги были заблокированы. Пересечь границу можно было лишь через контрольно-пропускной пункт. Их разместили на главных шоссе и на федеральных трассах. Номера фотографировали, машины сканировали и заносили в систему, чтобы отслеживать, кто въезжает, а кто уезжает.

Новая мысль заставила меня резко выпрямиться.

– А как это удалось похитителям? – Я смотрела на своих спутников, а мои пальцы нервно забарабанили по рулю. – Как им удалось проехать на грузовике из Первой Зоны в Третью так, что никто ничего не заподозрил? Даже если они сами не проходили через сканер, почему не проверили кузов?

– К сожалению, не все такие же законопослушные, как ты, – сказала Приянка. – А еще полно таких, кто очень любит взятки.

Такой вариант нам точно не подходил. Даже если бы у нас были деньги, оставался риск, что меня опознают. На всех пропускных пунктах недавно поставили камеры с распознаванием лиц, и я не сомневалась, что миротворцы ООН теперь останавливали водителей для более тщательной проверки. Они искали меня. Беглую преступницу.

– Мы можем добраться туда пешком? – задал вопрос Роман.

– Нет, – ответила я, откинувшись на спинку сиденья. – Я знаю другой путь.

Я не хотела этого делать: открывать эти сведения людям, не прошедшим проверку, было верхом легкомыслия и вообще преступлением. Но у нас не было времени бродить вдоль ограждения в поисках дыры или слепой зоны в системе наблюдения. Я узнала об этой лазейке случайно, когда мы направлялись из Первой Зоны в Третью, и пришлось изменить маршрут из-за того, что группа сторонников «На страже свободы» забаррикадировала путь к главному КПП. И агент Купер проговорился.

– Есть параллельная дорога, за которой не следят, – призналась я. – Правительство иногда ее использует, чтобы объезжать пробки или присылать подкрепление на пропускные пункты.

Это было шоссе, которое проходило вдоль озера Эри в сторону Нью-Йорка и Пенсильвании. Правительственная группа по развитию транспорта планировала снова открыть

его для общего пользования, чтобы снизить нагрузку на главный КПП и дать людям возможность добираться до озера. Там тоже установили современные камеры с распознаванием лиц и другими функциями, чтобы следить за потоком машин во время первого этапа проекта «Вернем Америку на правильный путь!». Но в последнюю минуту канадское правительство подало официальную жалобу: дескать, камеры, обращенные в сторону озера, могут использоваться для наблюдения за судами и территориальными водами Канады, а это нарушает право граждан на частную жизнь. В заявлении говорилось, что эти действия можно рассматривать как внутренний шпионаж, учитывая роль Канады в Организации Объединенных Наций.

Камеры на шоссе демонтировать не стали, рассчитывая задействовать их позже, но они были отключены. Так что за этой трассой не следили.

– *Quellesurprise*⁵, -протянула Приянка.

– А как часто его используют? – уточнил Роман. – Может кому-то прийти в голову, что ты попытаешься пробраться именно там?

Это были хорошие вопросы, но ответов у меня не было.

– Я не знаю. Думаю, нам стоит попытаться и посмотреть, что получится.

Конечно, это был не лучший вариант. Но ничего другого предложить не могла. И в выборе между рискнуть или по-

⁵ Какой сюрприз (*фр.*).

пастьяся голуеуешь даже за минимальный шанс.

Глава двенадцатая

Через полторы сотни километров я окончательно убедилась в том, что устройство, изготовленное Приянкой, и правда работает. Еще через столько же я поверила в то, что смогу проложить наш маршрут вдали от городов и поселков, в которых беспилотники использовались для контроля за преступностью. Деньги наркодилера таяли быстро, как и предсказывала Приянка. Мы расходовали их только на бензин, заправляя бак только наполовину.

За те двенадцать часов, что мы добирались до Огайо, Приянка то и дело задремывала. Она тихо сопела на заднем сиденье, а ее ноги почти упирались в крышу. Однако Роман не позволял себе клевать носом. Даже на секунду.

И я тоже.

В полночь мы наконец-то остановились передохнуть. Я припарковалась напротив небольшой закусочной – достаточно далеко, чтобы машину не заметили, но достаточно близко, чтобы видеть, что происходит внутри. Мужчина в невысоком поварском колпаке протирал стойку, болтая при этом с двумя подвыпившими завсегдатаями, которые радостно поглощали одну тарелку блинов на двоих. У них за спиной висел телевизор – показывали репортаж о Европе.

– Что-то она не спешит, – проговорил Роман с некоторым беспокойством, поочередно глядя то на закусочную, то

на туалет, расположенный справа отдельной постройкой, как если бы это была заправочная станция. Потому-то нам показалось безопасным остановиться здесь.

– Все в порядке, – сказала я. – Пусть не спешит. Она же не успела помыться в мотеле.

Из-за меня.

Роман наклонился вперед и включил приемник.

У меня не хватало эмоционального ресурса на то, чтобы слушать репортажи о произошедших событиях и о том, как меня провозгласили виновной за это. Я протянула руку, чтобы убрать звук, но тихие слова Романа остановили меня.

– Я знаю, как тебе тяжело слушать то, что они говорят. Но мы должны быть в курсе новостей и следить за тем, как идет расследование.

Я снова положила руку на руль.

Он был прав, но случившееся со мной еще не перешло в разряд воспоминаний. Перед глазами все время всплывали картины того страшного дня: взрывы, растерзанное тело Мэл, окровавленные лица. Я снова и снова мысленно прокручивала всю последовательность событий, кадр за кадром, словно поставив на повтор – пыталась понять, что сделала не так, что могла бы изменить и спасти всех этих людей. И мне хотелось убежать куда угодно, лишь бы не слышать, как обсуждают те последние, ужасные мгновения.

– Ладно, – выдавила я.

Роман запустил поиск. И пока приемник, переключаясь с

канала на канал, искал главную радиостанцию этой зоны, из динамиков доносился шорох помех попеременно с обрывками передач и полузабытых песен. Когда транзистор поймал нужную волну, раздался такой громкий звук, словно ведущий перешел на крик. Роман вздрогнул и покрутил регулятор, чтобы сделать потише.

– ...не могу не согласиться с мистером Муром. По сути, мы предварительно согласились более эффективно работать над его Персонализированной Программой Независимых Обучающих центров. Сообщения о том, что его компания уже отправила результаты пилотного проекта, внушают оптимизм. Не секрет, что я не большая поклонница ЧШП, но я остаюсь открытой к этой идее, если экспериментальная школа получит одобрение государственной инспекции в следующем месяце. Как вы знаете, пока что туда у нас не было доступа... Да, следующий вопрос...

Я сразу узнала голос президента Круз, и этот ее тон мне тоже был хорошо знаком. Он означал, что она устала сопротивляться, как делала это уже много лет, и ее наконец загнали в угол.

– Что такое ЧШП? – спросил Роман.

– Частные школы для «пси», – сказала я, вслушиваясь в то, что продолжала говорить президент. Наверное, пресс-конференцию организовали сегодня утром. Смело, учитывая то, что сейчас у всех на слуху. – Что-то вроде интерната для таких, как мы. Основная задача – лучше интегриро-

вать нас в общество, обучить навыкам, которые пригодятся на рынке труда.

– Я думал, это что-то вроде... независимых поселений? Разве не ты проводила презентацию?

– Этот проект не прошел голосование, – раздраженно бросила я. Но я злилась не на Романа, а потому что вспомнила, чем все закончилось. – Решили, что он слишком дорогостоящий для экономики, которая только восстанавливается. Несколько компаний, включая фирму Мура, предложили профинансировать различные школы и проекты жилых комплексов. В результате выбрали его предложение.

Если детей действительно будут учить полезным навыкам в безопасных комфортных условиях, идея сама по себе вполне неплохая. Особенно с учетом того, что самым первым предложением – по-прежнему шокирующе популярным среди многих американцев – было выделить удаленную территорию, обустроить там самую простую инфраструктуру и запретить «пси» за электрической изгородью.

– Нет, Дэжордж, я согласна и с ним, и с вами, – продолжала Круз. – Эти программы могут стать отличным шансом, особенно для невостребованных «пси». Первый класс пилотного проекта состоит из двенадцати добровольцев, и мы надеемся, что сможем перевести из интернатов и приемных семей еще пятьдесят человек. Но, повторяю, это станет возможным только после того, как мистер Мур закончит первоначальное тестирование и представит программу для

более глубокой проверки.

– Сколько детей остаются... невостребованными? – Роман запнулся на этой отвратительной формулировке.

– Одна тысяча сто двенадцать, – сказала я. – Большинство находятся в приемных семьях, но «пси» старшего возраста чаще живут в интернатах. Каждый из них находится под патронажем властей, для них выделены социальные работники, которые с ними всегда в контакте.

Парень снова уставился на дорогу, на его лице отразилась озадаченность.

– В чем дело? – спросила я.

– Все в порядке, – пожал он плечами. – Просто... я удивлен, что ты вроде как приняла это решение. Ты же была в лагере.

Я ошарашенно посмотрела на него.

– А при чем тут это?

После того как много лет назад перед всем миром прозвучало мое большое интервью и вслед за этим еще десяток подобных, мне уже казалось, что нет человека, который бы не слышал эту историю. Тысячи людей были в курсе всех деталей моей жизни, и я уже не ощущала ее в полной мере своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.